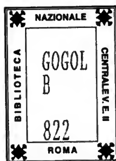

ROMA
N. V. GOGOL'

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
B
822
ROMA

ЛИЧНОСТИ ГАМЛЕТА

въ

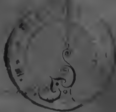
ШЕКСПИРОВОЙ ТРАГЕДІИ.

ВЪ ПАМЯТЬ ТРЕХСОТЪ-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ШЕКСПИРУ.

А. ЯРОСЛАВЦОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Николаю Христіановичу
Вендту
отъ
сочинителя.

О ЛИЧНОСТИ ГАМЛЕТА

ВЪ

ШЕКСПИРОВОЙ ТРАГЕДІИ.

ВЪ ПАМЯТЬ ТРЕХСОТЪ-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ШЕКСПИРУ.

А. ЯРОСЛАВЦОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 13 Августа 1864 г.

О ЛИЧНОСТИ ГАМЛЕТА,

въ

ШЕКСПИРОВОЙ ТРАГЕДІИ.

Желая говорить о личности Гамлета, въ Шекспировой трагедіи, мы необходимымъ считаемъ предупредить каждаго, что поведемъ рѣчь только къ тѣмъ изъ читателей, которымъ, по чему-либо, не удалось еще вникнуть въ характеръ этой личности, — которые не читали множества сужденій замѣчательныхъ писателей объ этомъ созданіи, не читали самой трагедіи въ подлинникѣ или хоть въ возможно точныхъ лучшихъ переводахъ, особенно нѣмецкихъ *), видѣли эту трагедію на сценѣ съ измѣненіями или въ неудовлетворительномъ переводѣ, и — всеже интересуются произведеніемъ Шекспира, какъ интересуются имъ и всѣ, болѣе или менѣе ознакомившіеся съ нимъ. Многочисленныя сужденія о *Гамлетѣ*, всеобщій интересъ показываютъ, что піеса требуетъ не поверхностнаго знакомства съ нею, а строгаго, долгаго изученія, вдумыванія въ каждую мысль, въ каждое слово.

---

*) На русскомъ языкѣ намъ извѣстны три перевода трагедіи «*Гамлетъ*»: *М. П. Вронченко, А. Кронеберга* и *М. Загулева*; трудъ *Н. А. Полеваго* есть переводъ, приспособленный, въ свое время, къ нашей сценѣ.

Мы сказали, что всѣ заинтересованы трагедіею *Гамлетъ*, и дѣйствительно — отъ самаго образованнаго до безграмотнаго всѣ, сознательно или безсознательно, приковываются къ сценѣ, каждый разъ, когда возобновляется это событіе изъ жизни человѣческой. Да, — изъ жизни человѣческой, потому-что Шекспиръ не съ неба низводилъ своихъ героевъ, а бралъ ихъ на землѣ такими, какими они существуютъ. Притомъ нельзя не замѣтить, что никакой реальной школѣ никогда не дойти до того, до чего достигъ Шекспиръ: школа всегда дѣйствуетъ по программѣ, а Шекспиръ — геній, для котораго не существуютъ программы.

Источникъ сказаннаго нами всеобщаго интереса заключается въ естественности лицъ и въ художественномъ развитіи трагедіи. И то и другое вліяютъ на зрителя, даже и безъ его сознанія въ томъ. Всѣ принимаютъ участіе въ страдальческомъ положеніи Гамлета; всѣмъ ощутительно его ужасное горе; на воображеніе дѣйствуетъ блуждающая внѣ могилы тѣнь отца; всѣ сочувствуютъ бѣдствію Офеліи и Лаэрта; всѣхъ гнететъ несчастный поступокъ матери Гамлета; всѣмъ отвратителенъ король-извергъ; страшный конецъ трагедіи оцѣпеняетъ каждаго.

Несмотря однакожъ на такой всеобщій интересъ въ цѣлой трагедіи, — когда рѣчь идетъ о личности героя, Гамлета, всегда слышатся самыя разнородныя мнѣнія и, большею частію, несогласныя съ интересомъ въ трагедіи, неосновательныя, ошибочныя. Одни говорятъ, что Гамлетъ сумасшедшій, или хоть помѣшанный; другіе — что онъ человѣкъ безъ энергіи, безъ воли; третьи — что онъ прихотливый, занятый только самимъ собою, себялюбецъ, гордъ, безчеловѣченъ, безъ религіи; иные видятъ въ немъ несчастнаго слабодушнаго страдальца и т. п. Всѣ эти говоры и взгляды уважительны до нѣкоторой степени, но къ нимъ, какбы забываютъ до-

полнить, что такимъ Гамлетъ, созданный Шекспиромъ, дѣйствительно или является, или кажется, или въ самомъ дѣлѣ частію таковъ, но—только частію. А опредѣляется-ли этимъ личность его, у которой есть и свое прошедшее и могло быть свое будущее, да и самое настоящее могло бы быть иначе?... Мы хотимъ сказать, что Гамлетъ, какимъ онъ представленъ въ созданіи Шекспира, не есть полная личность: это—человѣкъ, выведенный обстоятельствами изъ своего нормальнаго положенія; онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ поразившаго его страшнаго событія, но постоянно—на основаніи тѣхъ началъ, которыя въ немъ хотя еще не развернулись вполнѣ, но будучи прекрасны сами въ себѣ, не даютъ ему, и въ его печально-ненормальномъ положеніи, быть тѣмъ ничтожнымъ или ужаснымъ, какимъ онъ *для иныхъ* кажется. Да,—кажется для тѣхъ, которые не приняли на себя труда вдуматься, вникнуть въ эту вполнѣ человѣческую личность. А она стóитъ большой и большой думы; награда за то—не одно истинное наслажденіе: явленія, подобныя Гамлету, могутъ встрѣтиться на путяхъ жизни;—не будемъ-же порицать ихъ только, да притомъ еще и порицать ошибочно!... Въ этомъ смыслѣ изученіе личности Гамлета становится уже достояніемъ человѣческимъ.

Отчего-же многіе, заинтересованные трагедіею, въ которой главное лицо—Гамлетъ, выражаютъ почти только непріязнь къ самому Гамлету? Отчего-же обхваченные могучестію трагедіи, невольно благоговѣя предъ созданіемъ, они такъ легко произносятъ судъ надъ главнымъ героемъ? Отчего это противорѣчіе увлеченія съ нашимъ сужденіемъ? Къ сожалѣнію—отъ поверхностнаго взгляда и отъ привычки судить легко о всякомъ предметѣ; оттого, что въ настоящихъ дѣйствіяхъ Гамлета, вызываемыхъ обстоятельствами и незрѣлостію его въ практической жизни, нѣтъ, при поверхностномъ взглядѣ,

ничего увлекательнаго для сердца; а возвыситься до судьи надъ нимъ трудно, а трудъ умственный намъ както несносенъ. Слѣдить за мыслію,—а у Шекспира, какъ у природы, это необходимо, — мы не искусились; поставить себя или кого нибудь изъ извѣстныхъ намъ лицъ на мѣсто изображаемаго человѣка — намъ както странно: мы любимъ эффекты, а въ антрактахъ, промежуткахъ между эффектами,— болтовню и зѣванье по сторонамъ, или слѣдимъ наши обыденныя цѣли. Подтверждать это и приводить примѣры можно-бы долго, но мы лучше поспѣшимъ фактами пояснить наше мнѣніе о Гамлетѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что эти-то различные толки и побудили насъ изложить свое мнѣніе о личности Гамлета. И сознаемся, при всемъ знакомствѣ съ этимъ созданіемъ, вдумываясь теперь вновь въ эту личность, мы испытали вновь неизъяснимое наслажденіе!...

—

Припомнимъ, для нѣкоторыхъ читателей, основу трагедіи.

Гамлетъ, сынъ датскаго короля, молодой человѣкъ, воспитывающійся въ виттенбергскомъ университетѣ, пріѣзжаетъ домой и находитъ своего, уважаемаго и любимаго имъ отца— въ могилѣ, а мать свою, едва успѣвшую похоронить любившаго ее супруга и короля, — видитъ замужемъ за другимъ, человѣкомъ низкимъ и потому ненавистнымъ ему. Смерть отца поражаетъ молодаго человѣка горемъ; поспѣшное замужство матери и новый недостойный король, заступившій принадлежавшее ему мѣсто, усиливаютъ его горе и ввергаютъ его въ недоумѣніе. Горе и недоумѣніе возбуждаютъ въ молодомъ, не бывшемъ еще въ горнилѣ свѣта, сердцѣ непріязнь ко всему, негодованіе; и въ этомъ-то состояніи онъ вдругъ, тайнымъ образомъ, олицетворённымъ въ трагедіи въ видѣ могильной тѣни, узнаетъ ужасную вѣсть: мать, обольщенная братомъ покойнаго короля, негодяемъ, сдѣлалась, сама того

не вѣдая, участницею въ убійствѣ его отца, своего мужа, короля, и—такимъ путемъ стала женою презрѣннаго чудовища. Убійцею оказывается воцарившійся король, родной дядя его. Эта вѣсть поколебала весь организмъ молодаго человѣка; а между тѣмъ онъ безпрестанно подвергается борьбѣ между желаніемъ истины, справедливаго отмщенія и коварствомъ новаго короля. Послѣдній, догадываясь уже, что Гамлету стали извѣстны обстоятельства смерти отца, отправляетъ его въ Англію, съ намѣреніемъ погубить его тамъ, и, при неудачѣ этого предпріятія, подстрекаетъ его биться на рапирахъ, примѣшивая и самый ядъ къ своимъ замысламъ. Судьба, наконецъ, — потому-что только невидимая десница и могла окончить эту ужасную интригу, — судьба устроиваетъ все такъ, что пораженный отравленною рапирою, Гамлетъ, видя и мать умирающею отъ готовившейся ему отравы, поражаетъ, въ иступленіи, своего и всеобщаго злодѣя.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, содержаніе трагедіи. Будемъ теперь судить о личности Гамлета по его словамъ и дѣйствіямъ, т. е., по тому, какимъ онъ представленъ въ трагедіи.

Предварительно мы выскажемъ свое понятіе о характерѣ Гамлета. Гамлетъ — человѣкъ съ нѣжною душою, чувствительнымъ сердцемъ, одаренный отъ природы прекрасными способностями, образуемый науками, но — еще не погрузившійся въ житейскую опытность, не практическій человѣкъ; поэтъ въ душѣ; вѣрилъ въ любовь, въ дружбу, которыя и въ настоящемъ положеніи своемъ цѣнитъ высоко; проникнутъ религіозностію. А потому Гамлетъ, какимъ онъ является зрителю или читателю, видимо *принужденъ* быть не тѣмъ, каковъ онъ по природѣ своей, надобно помнить, по природѣ молодаго человѣка: вотъ почему онъ и не въ силахъ одолѣть себя, сдѣлаться спокойнымъ, холоднымъ, стойкимъ дѣятелемъ среди разврата.

—

Въ ожиданіи болѣе точныхъ переводовъ трагедіи *„Гамлетъ“*, на русскомъ языкѣ и въ болѣе изящномъ изложеніи, мы можемъ рекомендовать читателямъ нашей статьи, — для припоминанія тѣхъ монологовъ или сценъ, изъ которыхъ будемъ приводить только необходимыя рѣчи, — очень добросовѣстный переводъ *М. П. Вронченко*, изд. въ 1828 году, или переводъ *А. Кронеберга*, изд. въ 1844 году, напечатанный вторымъ изданіемъ, въ Москвѣ, 1861 года. Мы совѣтовали-бы читателямъ нашимъ имѣть подъ руками переводъ г. Кронеберга, какъ преимуществующій по языку предъ переводомъ г. Вронченко и пріобрѣтаемый удобнѣе: экземпляры перевода г. Вронченко очень рѣдки. Мы однакожъ будемъ приводить мѣста изъ этого перевода: мы находимъ его ближе къ подлиннику, и станемъ брать изъ перевода г. Кронеберга только тѣ строки, которыя, по языку, будутъ лучше.

—

Вотъ первыя слова Гамлета, въ первомъ его выходѣ, обращенныя къ ненавистному для него отчиму-королю, мужу его матери, и къ самой матери:

Когда король, послѣ разныхъ своихъ распоряженій, обращается наконецъ къ нему съ словами:

Теперь ты, Гамлетъ, сродникъ нашъ и сынъ!

Гамлетъ, печальный, погруженный въ самого себя, не откликается, а только мыслитъ, выражается про себя:

О нѣтъ, не сынъ, но болѣе чѣмъ сродникъ.

Ясное презрѣніе и негодованіе молодой благородной души. Слово, *сынъ*, какимъ понималъ себя Гамлетъ въ отношеніи къ родному своему отцу, встревожило его теперь въ устахъ ненавистнаго дяди-отчима, къ которому онъ не можетъ питать ни преданности, ни пріязни; но—съ горькою насмѣшкой

сознается, что, по прихоти матери, онъ сталъ болѣе, нежели сродникъ, болѣе — нежели племянникъ.

Король, не получая отклика на свой привѣтъ, снова спрашиваетъ:

Какъ? Надъ тобой еще летаютъ тучи?

Гамлетъ, одолѣвая себя, выражается уклончиво:

О, нѣтъ! мнѣ солнце слишкомъ ярко свѣтитъ.

Другими словами: „Я очень постигаю, что ты, негодяй, темнымъ путемъ заступилъ мѣсто моего родителя.“ — Конечно, по двусмыслію рѣчи, ослѣпленный король могъ принять ее за комплиментъ себѣ, могъ видѣть въ словѣ, *солнце*, себя; но, по словамъ Гамлета къ матери, нельзя дать этой рѣчи такого значенія; да и натуры, подобныя Гамлетовой, не способны на комплименты. Самой матери, желающей успокоить его, — что печаль по умершемъ отцѣ пора оставить, что, заключаетъ она:

Ты знаешь: все, что живо, то умретъ,
Оставитъ персть и въ вѣчность перейдетъ.

Гамлетъ даетъ отвѣтъ какбы холодный:

Да, все умретъ!

Но изъ самой краткости отвѣта видно, что онъ вышелъ изъ сердца стѣсненнаго, съ которымъ человѣкъ старается уклониться отъ объясненій. Что такія уклоненія однакожъ тяжки сердцу съ роднымъ, бывшимъ любимымъ человѣкомъ, это мы видимъ изъ того, что на новый вопросъ матери:

А если такъ,
То чтожъ тебѣ тутъ кажется такъ странно?

Гамлетъ, презирая слова отчима, не можетъ не отклик-

нуться на голосъ родной, и не высказывая своего тайнаго горькаго недоумѣнія, тревожно объясняетъ матери, что онъ никакого *„кажется“* не знаетъ, что *наружные знаки его грусти не выражаютъ его сердца*, что

..... Это все,
Казаться можетъ, можетъ быть притворно,
Все горести одежда и прикрасы;
Но что въ душѣ, того никто не видитъ.

Конечно, сынъ не выразился бы передъ матерью такъ неоткровенно, еслибъ не былъ проникнутъ мучительнымъ чувствомъ негодованія, возбужденнымъ поспѣшнымъ замужствомъ ея и — быть можетъ, даже, неяснымъ для него самого, подозрѣніемъ: потому-то и въ этихъ словахъ мы вправѣ предполагать упрекъ или намекъ, дѣлаемый, можетъ статься, и безсознательно, Гамлетомъ матери: *и въ тебѣ все казаться можетъ, можетъ быть притворно, — а что въ душѣ твоей, того никто не видитъ.*

На длинное разсужденіе короля о грѣхѣ безпредѣльной тоски по умершихъ, на изъявленія его отеческой любви, на его просьбу не возвращаться къ наукамъ въ Виттенбергъ, Гамлетъ опять не отвѣчаетъ ни слова; только на просьбу матери — не возвращаться въ Виттенбергъ, Гамлетъ сухо отвѣчаетъ:

Я повинуюсь слѣпо, королева.

Замѣтимъ, — онъ не называетъ ее матушкою.

Вотъ и весь разговоръ его съ ближайшими родными. Все, что такъ бездушно-разсудительно говорили дядя-король и новобрачная мать, все это, разумѣется, только терзало, какъ неправда, ложь, притворство, лицемѣріе, благородную, поэтическую натуру Гамлета. А ко всему этому, умничанье свое король заключилъ еще совершенно неумѣстной выходкой, по случаю согласія Гамлета остаться съ ними:

Пусть въ честь ему раздастся громъ орудій:
Онъ къ облакамъ взнесетъ заздравный кубокъ,
И громъ небесъ на громъ земли отвѣтитъ,
Когда король наполнитъ свой бокалъ!

Кто-же не сознаетъ, что съ самаго перваго явленія Гамлетъ уже не между родными, а между чуждыми для него, какъ и онъ для нихъ, да еще хуже — между подозрительными, для которыхъ сердце его замкнуто. Пусть умеръ отецъ,—горе выразилось бы иначе въ Гамлетѣ; но ему непостижимо, какъ мать могла такъ скоро и съ такимъ, извѣстнымъ ему, негодяемъ сочетаться новымъ бракомъ: тутъ что-то кроется во мракѣ! Эта мысль смущаетъ и туманитъ его; состояніе встревоженнаго организма и духа Гамлета выясняется изъ монолога его, когда онъ остался одинъ; кровь бросается изъ разгоряченнаго сердца его прямо въ голову.

О еслибъ вы (*думаетъ онъ*), души моей оковы,
Ты, крѣпко сплоченный составъ костей,
Испарился въ туманъ, ниспалъ росою!
Иль еслибъ ты, Судья земли и неба,
Не запретилъ грѣха самоубійства!
О Боже! Боже!
Какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно
Въ глазахъ моихъ житье на этомъ свѣтѣ!
Презрѣнный міръ! Ты опустѣлый садъ,
Негодныхъ травъ пустое достоянье!..

„Ну, вотъ, не слабый-ли это человѣкъ?“ —скажутъ. „Онъ хотѣлъ-бы уничтожиться, убить себя; онъ не видитъ въ мірѣ ничего прекраснаго... И все это еще только по одному *недоумѣнію*...“

Правда; — но вѣдь это взрывъ молодой души, молодаго сердца; вѣдь Шекспиръ и не выставляетъ философа, стоика: Гамлетъ студентъ, поэтъ; въ самыхъ выраженіяхъ его кар-

тинность: онъ хотѣлъ-бы исчезнуть *росою*, міръ сравниваетъ съ *садомъ*. Пораженный горемъ, онъ, молодой человѣкъ, преданный сынъ, не можетъ постичь, какъ могла его мать замѣнить такъ скоро и такого, по его понятію, достойнаго мужа и короля такимъ негодяемъ... Не ясно-ли эта непостижимость говоритъ о благородномъ образѣ мыслей и чувствъ въ Гамлетѣ? Не выражаетъ-ли она, что молодой человѣкъ вѣрилъ въ неразрывность родства, брачной любви, въ ненарушимость уваженія къ достоинству; по крайней мѣрѣ считалъ совершенно невозможнымъ нарушеніе этого въ своей семьѣ. И все это потрясено въ немъ непонятнымъ поступкомъ—и чьимъ еще—родной матери!.. Еще сильна въ немъ любовь къ истинѣ: онъ еще недоумѣваетъ, значитъ—онъ хочетъ постигнуть причину такой перемѣны; еще въ немъ есть уваженіе къ матери, къ приличіямъ; ибо что иное заставляетъ его сказать сердцу своему:

Но рвися сердце!—Я умолкнуть долженъ!

Можетъ быть, старѣе лѣтами (*), опытнѣе въ житейскомъ дѣлѣ, Гамлетъ приступилъ бы прямо къ розыскамъ, къ удовлетворенію своего недоумѣнія; но—онъ молодой человѣкъ, только временно сошедшій съ университетской скамьи, оторвавшійся отъ книги. А кто, не забывшій еще подобнаго положенія, скажетъ о себѣ, что, вступая въ свѣтъ, не возмущался, подобно Гамлету, чорными поступками людей? Да и не въ природѣ благороднаго молодаго человѣка стать судьею-присяжнымъ тотчасъ-же, какъ ему нанесенъ подобный ударъ: онъ

(*) Если повѣрить на-слово могильщику (въ 5-мъ дѣйствіи трагедіи), то Гамлету можно считать тридцать лѣтъ отъ роду. Если это и такъ, то онъ, по своимъ тѣлеснымъ и душевнымъ силамъ, не принадлежитъ къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые, въ такомъ возрастѣ, переходятъ уже въ дряхлость.

не рѣшится на это, боясь оскорбить подозрѣніемъ, можетъ быть, неумѣстнымъ, или, въ противномъ случаѣ, безъ доказательствъ ясныхъ. Хотя подозрѣніе мучаетъ его, но потому-то онъ и не рѣшается мучить имъ другаго, особенно любимаго имъ человѣка.

Въ упомянутомъ замѣчательномъ монологѣ проявляются уже всѣ задатки того, чѣмъ явится Гамлетъ впослѣдствіи: тутъ и чистое сердце и прекрасная душа, которыя, въ пылу своемъ, должны сгорѣть; тутъ и негодованіе на поступокъ матери, которое приметъ огромные размѣры; тутъ и презрѣніе къ низкому злодѣю, съ которымъ борьба отвратительна благородному человѣку; тутъ и разочарованіе во всемъ мірѣ, разрушающее вѣру въ любовь, въ дружбу и во все достойно-человѣческое; тутъ и состраданіе къ преступной матери: и—естественно—молодой человѣкъ долженъ разрушиться подъ тяжестію собственныхъ своихъ чувствъ. — Не знаемъ, станетъ-ли читатель раздѣлять съ нами это мнѣніе; мы, покрайней мѣрѣ, не можемъ имѣть другаго: а потому вездѣ будемъ видѣть въ Гамлетѣ страдальца благороднаго. Намъ кажется, что и идея-то трагедіи—показать, что молодой, непрактическій, хотя и истинно благородный человѣкъ, подъ ударомъ тяжкаго горя, при обстановкѣ неблагопріятной и при отсутствіи твердаго благоразумнаго руководителя, долженъ погибнуть. — Но станемъ продолжать наши изслѣдованія.

Душевная тревога въ Гамлетѣ такъ сильна, что, привѣтствуя явившихся на ту пору университетскихъ товарищей своихъ и даже друга, Гораціо, онъ обнаруживаетъ сомнѣніе — не ошибается-ли въ нихъ. Но едва Гораціо подтвердилъ, что онъ, Гораціо, всегда *слуга* его вѣрный, какъ Гамлетъ, по своей благородной природѣ, проситъ его называться *другомъ*, а не *слугою*. И потомъ, на отвѣтъ Гораціо, что

изъ Виттенберга въ Эльсиноръ привела ихъ лѣнь, Гамлетъ восклицаетъ:

Не дай Богъ, чтобъ и врагъ твой говорилъ такъ!

Вотъ, какъ ненавистна праздность Гамлету и какъ дѣятельность свойственна ему.

Но и друзья не могутъ развѣять его горести, которая выражается уже сарказмомъ:

Что-жъ за дѣла у васъ здѣсь, въ Эльсинорѣ?
Мы выучимъ здѣсь пить тебя, Гораціо.

говоритъ Гамлетъ, намекая на пиршества отчима, и вслѣдъ затѣмъ сыплетъ самыми горькими насмѣшками... Но лишь заговорили объ отцѣ, о появленіи тѣни его, онъ весь обращается въ уваженіе, слухъ и вниманіе. Разсказъ о появленіи тѣни охватилъ его вполнѣ: онъ подробно распрашиваетъ о признакахъ тѣни; рѣшительно хочетъ самъ увидѣть ее, говорить съ нею, *хотябъ и самый адъ, разверзшись, повелѣлъ умолкнуть ему*, и проситъ друзей только хранить втайнѣ все, что ни случится.

.....Злодѣйства
Откроются, хоть ихъ засыпь горами!

Такимъ убѣжденіемъ обнадеживаетъ онъ свое рвущееся желаніе увидѣть тѣнь, узнать—чего она требуетъ. Значитъ, недоумѣніе, волнующее его, тѣмъ тяжелѣе, что въ основѣ его лежитъ подозрѣніе *злодѣйства.*

Вникните, читатель, внимательно въ каждое слово въ этомъ явленіи: гдѣ найдете вы тутъ пищу презрѣнію къ Гамлету? Тутъ все распахиваетъ его благородную душу и пылкое юное сердце. Можетъ быть, этотъ пылъ своею *неумѣренностію* отталкиваетъ васъ; но вспомните, что передъ вами молодой или хоть непрактическій человѣкъ; самые сарказмы его обла-

горожены тѣмъ что направлены на стороны презрѣнныя и высказываются не передъ толпою, а передъ пріятелями, сверстниками университетскими, которымъ, вѣроятно, уже не разъ приходилось аплодировать его остротамъ. Все это въ пылкой натурѣ человѣка; для этой-же натуры необходима дружба и неизбѣжна любовь.

Изъ послѣдующей сцены Офеліи съ братомъ ея, молодымъ, знающимъ свѣтъ, и съ отцомъ, строго держащимся приличій, мы знакомимся съ предметомъ любви Гамлета и узнаемъ, что выборъ сердца его палъ не на возвышенную женщину, равную ему дарованіями или саномъ, а на тотъ предметъ, который всегда очаровываетъ сердце молодое, нетерпящее искуственности. Офелія — дѣвушка вполнѣ развитая тѣлесно и, вмѣстѣ, сохраненная обстоятельствами воспитанія въ младенческой простотѣ; она довѣрчива; по природѣ женщины, неравнодушна къ обаяніямъ любви, но родственная кровная связь, подкрѣпляемая внушеніями и правилами родныхъ, въ ней сильнѣе увлеченій; въ ней есть зачатки прекрасные, но неуспѣвшіе еще получить направленія ни дурнаго, ни хорошаго: это — цвѣтокъ, требующій ухода, но цвѣтокъ привлекательный. Молодой Гамлетъ не могъ не увлечься ею и, можетъ быть, въ поэтическихъ мечтахъ, лелѣя этотъ цвѣтокъ, возносилъ его на будущій тронъ свой. Извѣстенъ стихъ, написанный къ ней его пылкимъ чувствомъ:

«Не вѣрь, что огнь горитъ въ звѣздахъ,
«Что солнце ходитъ въ небесахъ;
«Неправдой истину зови,
«Но вѣрь, о, вѣрь моей любви»!

Неопытность, или вѣрнѣе, неразвитость Офеліи, происходящая отъ замкнутости въ правилахъ семейныхъ, яснѣе становится въ послѣдующихъ явленіяхъ: она не понимаетъ словъ

Гамлета въ его разстроенномъ состояніи, и если жалѣетъ — *какой высокій погубленъ въ немъ духъ,* — то всеже плачетъ болѣе потому, что *сама* лишается въ немъ друга. Дѣвушка возвышенная, какъ *Корделія*, приняла-бы сильное участіе въ страдальцѣ; дѣвушка страстная, вполнѣ увлеченная любовью, какъ *Десдемона*, не вынесла-бы несчастія друга, но — Офелія не такова. Нельзя назвать ее и холодною: неожиданная, неестественная смерть отца лишила ее разсудка; и въ разстроенномъ положеніи замѣтно въ ней вліяніе любви Гамлета. Коротко, Офелія — дитя въ душѣ, преданнѣйшая дочь и сестра, одаренная красотою и, по природѣ своей, способна къ любви тихой, но отнюдь не страстной, пылкой; она не составляетъ исключенія изъ женщинъ сѣвера. Но эти качества плѣняютъ молодое сердце и возводятся поэтическимъ воображеніемъ, какимъ надѣленъ Гамлетъ, въ достоинства небожителей. Любовь была естественною, однакожъ не исключительною потребностію души Гамлета: она входитъ въ составъ тѣхъ потребностей, которыми полна душа его, каковы дружба къ Гораціо, любовь къ истинѣ, къ справедливости, къ наукамъ, къ изящному.

Мы необходимымъ почли сдѣлать очеркъ Офеліи: въ выборѣ ея высказываются также душевныя свойства Гамлета.— Теперь будемъ продолжать.

Самое тѣло Гамлета слишкомъ деликатно: явясь на террасу, для ожиданія тѣни отца, онъ не могъ не замѣтить, прежде всего, *какая стужа! Воздухъ такъ и рѣжетъ!* Конечно, болѣзненность начала сообщаться уже и тѣлу: до этого, Гамлетъ, крѣпкій здоровьемъ, (какъ и самъ онъ замѣчаетъ въ началѣ только-что разсмотрѣннаго нами монолога), сынъ сѣвера, или не высказалъ-бы своего ощущенія, или сказалъ-бы о немъ безъ ропота, съ бодростію. А какая опять душа проявляется въ этомъ тѣлѣ, втеченіи всей настоящей

сцены. Сколько благородства, царственной любви къ отчизнѣ, здравой политики, когда онъ негодуетъ на тосты суетно-пирующаго короля. И какъ внезапно, послѣ долго выражаемаго негодованія, обнаруживается въ немъ присущая ему преданность Всемогущему, едва показалась тѣнь отца:

Спасите насъ, благія силы неба!

Вотъ первое помышленіе, первыя слова, вырвавшіяся изъ устъ Гамлета при видѣ тѣни. Не трусость вызываетъ эти слова: все послѣдующее обращеніе его къ тѣни, неотразимое до бѣшевства сопротивленіе друзьямъ, желающимъ удержать его отъ слѣдованія за тѣнью, все подтверждаетъ, что онъ призвалъ небесныхъ защитниковъ, какъ вѣрующій; это подтверждаетъ и убѣжденіе его, произвесенное къ испугавшимся Гораціо и Марцеллію:

...что онъ (духъ, тѣнь) можетъ надъ моей душой?
Не также-ли она, какъ онъ, безсмертна?

Съ такою-же мольбою къ небеснымъ хранителямъ обращается Гамлетъ и впослѣдствіи, при вторичномъ видѣніи тѣни, въ сценѣ съ матерью.

Что-жъ могло произойти съ такимъ нѣжнымъ организмомъ и благородно-мыслящею душою, когда неожиданно явилась предъ нимъ ужасная истина, освѣтилась страшная сцена убійства его отца?!... Еслибъ онъ былъ, при своихъ качествахъ, и трусъ или слабосильный,—а это неестественно, и Шекспиръ вѣренъ природѣ, — онъ или умеръ-бы, или сошелъ съ ума; еслибъ онъ былъ человѣкъ холодный, вполнѣ опытный въ жизни, эгоистъ,—онъ кинулъ-бы все, позаботился-бы только о себѣ, или, какъ сынъ короля, поднялъ-бы народъ противъ коварно завладѣвшаго престоломъ. Нѣтъ,—онъ, разставшись съ тѣнію отца, разсказавшею ему событіе, отъ котораго протрепетала въ немъ каждая частица крови, едва не рухнули

душенныя силы, записываетъ только, въ первыя минуты, на память, что *возможно и улыбаться всѣмъ и быть злодѣемъ.*

Вотъ, какая истина становится, съ этой минуты, для Гамлета закономъ при сношеніяхъ съ каждымъ человѣкомъ... Вотъ, какъ нѣжна, деликатна была натура его; какой превосходный человѣкъ могъ-бы изъ него современемъ образоваться. А застигнутый ужасной бурею, не имѣя убѣжища, ни путеводителя, онъ принимаетъ эту случайную истину для руководства, какъ утопающій хватается за доску. И какъ деликатно, нѣжно, свойственно ему, выразилъ онъ эту истину: сочетаніе улыбки съ злодѣйствомъ превосходитъ его понятіе о человѣкѣ; злодѣй, такой какъ его дядя-король, представлялся воображенію его доселѣ мрачнымъ, лишеннымъ навсегда даже и притворной улыбки... Только по своей возвышенности, по тѣмъ прекраснымъ даннымъ, которыя мы видѣли, Гамлетъ, и въ ужасно потрясенномъ состояніи, еще различаетъ людей, хотя вездѣ уже съ недовѣрчиностію. Отказавъ друзьямъ въ откровенности, онъ старается смягчить свой отказъ успокоительными разсужденіями и хоть неяснымъ, вышедшимъ изъ сильно угнетеннаго сердца, сознаніемъ своего безпомощнаго положенія: *а я,* — говоритъ онъ, — *я — знаете, пойду — молиться...* Можетъ быть, горячее, сильное, энергическое участіе помогло-бы Гамлету, дало-бы другое лучшее направленіе его дѣйствіямъ; но, къ сожалѣнію, какъ это нерѣдко случается, такого участія не съумѣлъ оказать ему даже и другъ его, Горацію.

Необходимо прослѣдить состояніе души Гамлета въ сценѣ съ друзьями тотчасъ послѣ явленія тѣни. Это — встрѣча пылкаго, возмущеннаго, полупреобразившагося характера съ характерами если и не холодными, то, по крайней мѣрѣ, безсильными помочь ему. Самая тѣнь открыла только тайну, — и не-

доумѣніе Гамлета разрѣшилось; но организмъ и душа его потрясены до основанія.

Записанъ слова: *„Прости, прости, и помни: я отецъ твой!“* онъ слышитъ — Гораціо и Марцеллій зовутъ его; онъ принужденно ободряется, усиливается казаться веселымъ. Первые слѣды потрясенія: разувѣреніе во всѣхъ и скрытность. Онъ откликается какбы шутя:

Го, го! Сюда, мой ясный соколъ!

Эта охотничья, того времени, фраза употреблена Гамлетомъ теперь, какъ употребляетъ подобныя фразы каждый, застигнутый постороннимъ человѣкомъ врасплохъ, въ минуту душевной тревоги, когда трудно отвѣчать обдуманно, а откликнуться надобно. Впрочемъ, это свойственно людямъ, неокрѣпшимъ еще въ житейской оборотливости, не владѣющимъ собою во всякую минуту. На вопросъ Гораціо и Марцеллія, что случилось?— Гамлетъ отвѣчаетъ будто бодро, но безъ объясненій: *О, дивно!* Отвѣтъ опять насильный, и, по *настоящему* положенію Гамлета, является скорѣе отзывомъ, восклицаніемъ спрашивающихъ, какъ постороннихъ въ дѣлѣ. Гораціо снова проситъ разсказать случившееся; Гамлетъ, успокоиваясь, высказываетъ прямо свое затрудненіе: *Но вы откроете.* — Когда Гораціо и Марцеллій клянутся, что не измѣнятъ, Гамлетъ рѣшился-было открыться:

Вотъ видите — кто-бъ могъ подумать?—

и попавъ на слово *„подумать“*, сейчасъ-же уклоняется:

Но сохраните тайну!

На новое увѣреніе друзей Гамлетъ разрѣшается фразою:

Представьте жъ: всякій въ Даніи мошенникъ
Есть подлый негодяй!

Такой и подобные отвѣты Гамлета, конечно, могутъ отталкивать отъ него, могутъ казаться странными, рѣзкими, какъ показались они и Горацію, который, послѣ ужаснаго явленія тѣни и растревоженнаго состоянія молодаго друга, могъ еще сказать, даже съ нѣкоторымъ сарказмомъ:

И только, принцъ? — Чтобъ это возвѣстить,
Не стоило вставать изъ гроба тѣни!

Нельзя однакожъ не замѣтить, что Горацiо хотя и другъ Гамлета, но человѣкъ не слишкомъ возвышенный: онъ образованъ, честенъ, благороденъ, преданъ Гамлету, потому что Гамлетъ отличилъ его между товарищами, сдѣлалъ его избранникомъ своего сердца; вѣроятно, были какія-нибудь отношенія между ними съ дѣтства: они свыклись, и, какъ оба благородные, поддерживались благородствомъ. Вообще Горацiо изъ тѣхъ людей, съ которыми можно дѣлиться болѣе нежели обыденными сердечными и умственными движеніями; можно такими людьми руководить, но нельзя ими руководствоваться въ минуты сильно критическія; на подвиги неожиданные, быстрые они неспособны. Горацiо вездѣ является подвластнымъ Гамлету, всегда видитъ въ немъ принца; никогда не выходитъ изъ предѣловъ разсудительности, не отдается безотчетно душевнымъ движеніямъ, всегда держитъ себя въ границахъ низшаго, хотя честнаго, предъ Гамлетомъ. Эта сдержанность ввергаетъ его иногда даже въ ограниченность: такъ изъ возраженія его видно, что онъ даже кольнулся словами непонятаго имъ, разтерзаннаго Гамлета и прибѣгнулъ къ возраженію холоднаго ума, къ неумѣстному остроумію. Если вникнуть въ источникъ отвѣта Гамлета, то увидимъ, что онъ вылился естественно изъ души крайне возмущенной, при обстановкѣ людьми хотя благородными, но не возвысившимися настолько, чтобы вполнѣ раздѣлить, со всею горячностію, горе молодаго человѣка, въ

которомъ только-что поколебалась, почти разрушилась вся вѣра въ человѣка. Не встрѣтивъ, такъ необходимаго въ эту тяжкую минуту, сильнаго, жаркаго сочувствія, а напротивъ ощутивъ даже холодность сарказма, онъ получаетъ еще каплю яда, и — отрывисто возражаетъ Горацію:

Конечно такъ: ты совершенно правъ.

И въ угнетенномъ состояніи души заключая, что уже и въ этихъ добрыхъ людяхъ нечего искать сочувствія, онъ продолжаетъ:

А потому, безъ всякихъ дальнихъ толковъ,
Нехудо намъ, простившись, разойтись.
Вы можете идти, куда зоветъ васъ
Желаніе иль дѣло (всякъ имѣетъ
Свои желанья и дѣла), а я —
Я — знаете — пойду молиться.

Гамлетъ, по свойству пылкаго характера, хотѣлъ-было холодной разсудительности отвѣтить холодно, но, по возвышенности своей натуры, не рѣшился мстить пріятелямъ. Потому-то здѣсь фраза; *„пойду молиться“*, не намекъ на лицемѣріе, нѣтъ; здѣсь Гамлетъ, какъ истинно-вѣрующій христіанинъ, со вздохомъ высказываетъ уважаемымъ еще людямъ свое тайное помышленіе, что горю его можно найти облегченіе только въ одной молитвѣ; этимъ сознаніемъ передъ друзьями онъ желаетъ смягчить жестокость своихъ словъ, которыя и самъ считаетъ оскорбительными для нихъ, хочетъ сказать, что уже ни къ кому не можетъ обратиться кромѣ Сердцевѣдца: Ему только хочетъ повѣрить свое горе, у Него только просить помощи... И Гамлетъ не ошибается: друзья нетолько не могутъ постичь горе его, сочувствовать ему, они даже недоумѣваютъ въ его рѣчахъ. Гамлетъ, и въ своемъ разтерзанномъ состояніи, выше ихъ: онъ сознается откровен-

но, что рѣчи его обидны, и, человѣколюбивый по природѣ, снова, какбы въ примиреніе, заговариваетъ съ ними дружески. Подтвердивъ, что въ его рѣчахъ *есть обида и большая*, онъ продолжаетъ:

Что до видѣнья, бывшаго здѣсь — это
Тѣнь честная, позвольте вамъ сказать такъ;
А любопытство знать о нашей связи
Одолѣвай, какъ можетъ кто. — Теперь,
Когда вы мнѣ товарищи прямые
Въ военномъ дѣлѣ, дружбѣ и наукахъ,
Исполните мою одну лишь просьбу!

Сколько честности, прямоты и мягкости въ этихъ словахъ, если вникнемъ въ душевное положеніе, съ которымъ они произносятся. И напротивъ — сколько гордости, холодности и униженности въ нихъ, если будемъ думать, что ихъ говоритъ принцъ, пораженный гордый человѣкъ. Оставимъ безъ вниманія эту послѣднюю мысль, и пояснимъ первую. Гамлетъ, какъ честный человѣкъ, имѣя дѣло съ честными людьми, хочетъ отстранить только дурное мнѣніе о тѣни, а потому и высказываетъ только одно ея свойство и, конечно, голосомъ равносильнымъ эпитету, слѣдовательно, вполнѣ пріобрѣтающимъ вѣру; какъ человѣкъ прямой, онъ прямо объявляетъ, что не откроетъ тайны, ввѣренной только ему; какъ человѣкъ мягкій, онъ, принцъ, *проситъ* Гораціо и Марцеллія исполнить его *одну лишь просьбу*, и обращается къ нимъ такъ потому, что признаетъ ихъ *товарищами въ военномъ дѣлѣ, дружбѣ и наукахъ*.

Разсматривая Гамлета съ этой точки, невольно приходишь къ мысли — какой превосходный человѣкъ могъ-бы изъ него выйти.

Вообще — изъ сцены, послѣ свиданія Гамлета съ тѣнію отца, ясно, что онъ выведенъ изъ нормальнаго своего со-

стоянія: не только вѣра въ человѣка, самая довѣрчивость къ близкимъ сердцу разрушены: а затѣмъ естественно гнѣздится въ душу скрытность, которая, только еще между достойными, борется съ откровенностію, ибо характеръ Гамлета не злой отъ природы. — Не таковъ-ли, въ критическія минуты, и каждый съ душою благородною, съ сердцемъ несуровымъ? — По этой-то разувѣренности въ человѣкѣ, Гамлетъ *проситъ* своихъ товарищей даже *поклясться* на мечѣ, что они *никогда не откроютъ видѣннаго нынѣ*; и едва при этомъ раздался изъ подъ земли неожиданно голосъ тѣни: *„Клянитесь!“* онъ тотчасъ-же прибѣгаетъ къ скрытности, произнося будто-бы шутливо:

А, а! и ты здѣсь, молодецъ мой? — Ну,
Вы слышите, изъ погреба пріятель
Велитъ вамъ клясться!

Но въ какомъ адскомъ огнѣ горитъ, при этой шуткѣ, сердце Гамлета!..

На второй зовъ тѣни онъ выражается латинскою школьною поговоркой: *Hic et ubique* (здѣсь и повсюду), и на третій: *„Мечемъ его клянитесь!“* Гамлетъ опять такъ-же шутливо говоритъ:

Такъ точно, старый кротъ мой! какъ ты скоро
Копаешь землю! Славный рудокопъ!
Еще разъ дальше отойдемъ, друзья!

Но испытывая друзей, онъ испытываетъ и самую тѣнь и, пожалуй, самого себя: дѣйствительно-ли говоритъ тѣнь, дѣйствительно-ли онъ слышитъ голосъ ея? Зачѣмъ-бы иначе перемѣнять ему мѣсто для клятвы каждый разъ:

Еще разъ дальше отойдемъ, друзья!

Вотъ сколько дрязгъ, послѣ ужасной вѣсти, наваливается

еще на чистую доселѣ душу Гамлета; что-же будетъ, если не встрѣтится ничего, что могло-бы омыть эту душу, если нѣтъ силъ омыться самой? А вѣдь это бываетъ....

Понятно, что все, произносимое имъ въ такомъ тонѣ къ подземному голосу тѣни, отъ словъ которой онъ только-что изнемогалъ, произносится лишь для свидѣтелей, чтобы съ притворною бодростію скрыть отъ нихъ ужасное, представить его неважнымъ. Но ясно, что это притворство вынужденно и тягостно для благороднаго молодаго человѣка съ друзьями. И все же Гамлетъ не рѣшается открыть имъ тайну; только чтобъ смягчить тонъ свой, успокоить изумленныхъ друзей и облегчить себя вырывающимся вздохомъ, онъ прибѣгаетъ къ мистическому заключенію:

Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ!

Наконецъ проситъ онъ друзей, для усиленія предосторожности, снова поклясться, что и въ самой крайности, они не будутъ измѣнниками тайны его, никогда, *какъ ни былъ-бы онъ страненъ*; и если, можетъ быть, разсудитъ онъ *принять смѣшной необычайный видъ*, они не измѣнятъ ему ни жестомъ, ни словомъ, ни какимъ-либо намекомъ.

Замѣчательно въ этомъ монологѣ Гамлета перечисленіе оттѣнковъ измѣны. Сколько въ немъ было и теперь еще есть, въ разбитомъ состояніи, душевной жизни!

Когда при этомъ снова раздается подземный стонъ: „*Клянитесь!*“ Гамлетъ уже безъ всякаго притворства, сочувствуя страждущему духу отца, произноситъ:

О, успокойся, страждущая тѣнь!

И продолжая уже въ этомъ смягченномъ тонѣ, онъ поручаетъ себя пріязни друзей, увѣряетъ ихъ въ взаимной готов-

ности служить имъ, чѣмъ можетъ, и снова проситъ только молчанія о случившемся, убѣждая ихъ къ тому важностію тайны: *Нашъ вѣкъ разстроенъ*; и заключая вздохомъ:

О несчастный жребій!
Зачѣмъ-же я рожденъ его исправить!

Таковъ тяжкій вздохъ, вырывающійся изъ груди Гамлета. Но это только вздохъ послѣ тяжкаго горя, павшаго на грудь молодаго человѣка. Онъ поколебленъ весь, разрушенъ, но — еще ядъ горя не могъ истребить всей крѣпкоой жизненности въ немъ: такъ всякій ударъ, поразивъ насъ, дастъ вздохнуть и потомъ отъ средствъ и обстоятельствъ будетъ зависѣть — изцѣлимся-ли мы отъ него или погибнемъ. — Замѣтимъ еще, что вздохъ этотъ не есть вздохъ героя правосудія и расправы: Гамлетъ *скорбитъ*, что рожденъ для исправленія *разстроеннаго вѣка*; но Гамлетъ и не можетъ быть героемъ правосудія въ развратномъ вѣкѣ: онъ — поэтъ и готовился на прекрасное, а не на ужасное служеніе человѣчеству.

Разсматривая свойства Гамлета, мы необходимымъ считаемъ обратить вниманіе на его сентенцію:

Есть многое въ природѣ, другъ Горацiо,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ!

и на его свойство вѣрующаго. Такимъ образомъ видимъ мы, что онъ серьезно вдумывался въ тайны природы и въ понятіе о Всемогущемъ. Это-то преобладаніе въ немъ духовной природы, проникнутое свѣтомъ наукъ и думою, при отсутствіи житейской опытности, застигнутое вдругъ, безъ подготовленія, необычайнымъ злодѣйствомъ, не даетъ ему дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ-бы человѣкъ самостоятельный, вполнѣ окрѣпшій въ жизни, человѣкъ практическій, положительный, стоикъ, а — не поэтъ.

—

Приступая теперь къ разсмотрѣнію самыхъ поступковъ и дѣйствій Гамлета, чтобы по нимъ продолжать судить и заключать о личности его, какъ до этого событія, такъ и въ настоящее время, то есть послѣ событія, и какимъ-бы онъ могъ быть безъ этого ужаснаго горя, припомнимъ его слова:

....какъ ни былъ-бы я страненъ,—
И можетъ быть, я разсужу за благо
Принять смѣшной, необычайный видъ...

и

Нашъ вѣкъ разстроенъ; о несчастный жребій!
Зачѣмъ-же я рожденъ его исправить!

Не такъ-бы выразился—еслибъ-еще вздумалъ выражаться—человѣкъ съ окрѣпшей волей, съ рѣшительнымъ характеромъ, готовый на борьбы житейскія. Онъ не рѣшился бы принимать на себя страннаго образа и не вздохнулъ-бы, что ему предстоитъ исправить зло, но — составилъ-бы планъ дѣйствій къ уничтоженію зла. Гамлетъ, ясно, молодъ, нѣженъ еще и удрученъ неожиданнымъ горемъ: его желаніе—принять на себя странный образъ, для открытія истины, для уличенія преступниковъ, обнаруживаютъ въ немъ благородство; его вздохъ за самого себя выражаетъ соболѣзнованіе, что онъ долженъ направить свою дѣятельность на такое печальное дѣло: чувство преобладаетъ въ немъ. Оно-то проявляется преимущѣственно во всѣхъ его поступкахъ; оно-то, пораженное, но бывшее въ высшей степени чистымъ и могучимъ, не дало ему разрушиться вдругъ или унизиться до коварства. Можно упрекать его въ нетвердости, въ слабости, но, вникнувъ въ его натуру, въ неприготовленность его къ страшной борьбѣ въ жизни, мы будемъ сочувствовать, сострадать какъ ему, такъ и каждому человѣку въ подобномъ положеніи. Вмѣсто упрековъ, станемъ лучше изучать на Гамлетѣ человѣка и самихъ себя.

Дѣйствія и поступки Гамлета, представляющіеся послѣ встрѣчи съ тѣнью до послѣдней минуты его существованія, возбуждаютъ въ судьяхъ различныя заключенія.... О первомъ изъ его поступковъ мы узнаемъ отъ самой Офеліи. Офелія, въ испугѣ изобразивъ отцу своему печальный видъ одежды и лица Гамлета, явившагося неожиданно къ ней въ комнату, гдѣ она спокойно шила, продолжаетъ:

Онъ, молча, взялъ и крѣпко сжалъ мнѣ руку,
И отступалъ на всю ея длину,
И такъ ладонью осѣнивъ глаза,
Мнѣ пристально смотрѣлъ въ лице, какъ будто
Его рисуя. Долго такъ стоялъ онъ,
И наконецъ слегка потрясъ мнѣ руку,
И трижды такъ кивнувши головой,
Вздохнулъ столь тяжкимъ и глубокимъ вздохомъ,
Что, мнилось, въ части разлетится тѣло,
И кончится его земная жизнь;
Потомъ, пустивъ меня, пошелъ къ дверямъ,
Передъ собой не глядя, но назадъ
Черезъ плечо ко мнѣ склонивши взоры,
И вышелъ такъ, съ меня нхъ не спуская.

На вопросъ Полонія,—не оскорбила-ли она чѣмъ Гамлета, Офелія объясняетъ отцу, что, по его приказанію, она только не принимала писемъ и посѣщеній Гамлета.

Что выражаетъ это странное явленіе Гамлета? Отказъ Офеліи отъ принятія писемъ и посѣщеній его не былъ къ тому единственною причиною. Нѣтъ, въ Гамлетѣ, какъ и должно естественно быть, преобладаетъ теперь одно главное начало: разрушенная вѣра въ человѣка, въ сильно потрясенномъ организмѣ. Такое состояніе духа уже не нормальное, но — и не помѣшательство. Можно допустить, что Гамлетъ умышленно (а онъ и вездѣ дѣйствуетъ не безъ ума) въ странномъ видѣ пришелъ къ Офеліи, можетъ быть съ тѣми-

же рѣчами, которыя онъ скажетъ ей впослѣдствіи; можетъ быть, пришелъ къ ней первой, чтобы начать свои маневры съ человѣка близкаго, но — Офелія предметъ его любви, все еще не исчезнувшій изъ сердца; но — потому-то, что это Офелія, еще недавній предметъ его мечтаній и отрадныхъ думъ, — онъ, какъ находящійся подъ гнетомъ различныхъ чувствъ, не могъ заговорить вдругъ языкомъ, вовсе незнакомымъ ей; можетъ быть, да и непремѣнно такъ, онъ пришелъ говорить, но — увидѣвъ ее, увидѣвъ ту, которая царила въ его воображеніи, онъ, полный разочарованія ужаснаго и неисчезнувшей изъ сердца любви, онѣмѣлъ; онъ помнитъ поступокъ женщины-матери и глядитъ на женщину-Офелію: чувство залило слова. Разувѣреніе беретъ верхъ; онъ убѣжденъ, что каждый слабъ и преступенъ, и всеже — передъ нимъ Офелія: и — онъ не произноситъ ни слова, сожалѣетъ, сокрушается безмолвно и уходитъ.

Понимая такъ эту сцену, мы видимъ въ ней Гамлета не сумасшедшимъ, а только крайне возмущеннымъ, подъ ударомъ тяжкаго событія.

Такимъ-же возмущеннымъ видимъ его при встрѣчѣ съ Полоніемъ. Гамлетъ, углубившійся въ книгу, на привѣтъ испытующаго Полонія: *Здоровы-ли вы, принцъ?* — отводя глаза отъ книги и, конечно, занятый чтеніемъ, забывъ принятую роль, отвѣчаетъ обычнымъ образомъ: *Слава Богу!* Но когда Полоній, убѣжденный, по-своему, въ помѣшательствѣ Гамлета, дѣлаетъ новый глупый вопросъ: *Вы знаете меня, принцъ?* — Гамлетъ очнулся, вспомнилъ свою роль, хотѣлъ замаскироваться и началъ словами: *И очень хорошо: ты рыбакъ.* Фраза, брошенная какбы безъ умысла, обличаетъ всетаки быстрое соображеніе: Гамлетъ тотчасъ увидѣлъ въ Полоніи суетливаго придворнаго, желающаго поймать его въ сѣти. — Дряхлый Полоній, задѣтый такимъ неприличнымъ

ему названіемъ, въ простотѣ своей, возражаетъ: *Нѣтъ, принцъ!* Такое возраженіе не требовало уже дальнѣйшаго маскированія, и Гамлетъ говоритъ: *Такъ желательно, чтобъ ты былъ столь-же честенъ.* — Снова задѣтый Полоній опять-таки навязчиво спрашиваетъ: *Честенъ, принцъ?* и успокоивается уже только послѣ, польстившаго его самолюбію, объясненія Гамлета: *Такъ точно: честнымъ быть, въ нашъ вѣкъ, значитъ быть избраннымъ одному изъ десяти тысячъ.* — Послѣ еще нѣсколькихъ, такъ-же обдуманныхъ мѣткихъ выраженій, совершенно сбивающихъ старика, Полонія, съ толку, Гамлетъ умышленно и какбы съ негодованіемъ на автора, объясняетъ навязчивому Полонію содержаніе будто-бы читаемаго мѣста въ книгѣ: *Вздоры, пустяки! Насмѣшливый негодяй говоритъ здѣсь, что у стариковъ сѣдыя бороды; что лице ихъ въ морщинахъ, а глаза источаютъ пахучую амвру; что у нихъ обильный недостатокъ ума и чрезвычайная слабость въ ногахъ. — Хотя я всему этому твердо и совершенно вѣрю, но считаю большою невѣжливостію писать подобныя вещи. Ты самъ, напримѣръ, былъ бы такъ-же старъ, какъ и я, еслибъ могъ, подобно раку, ползти задомъ.* — При этомъ даже и самъ Полоній усомнился въ сумасшествіи Гамлета; снова задѣтое самолюбіе остановило въ немъ желаніе продолжать свое испытаніе.... И кто-жъ не видитъ въ этой выходкѣ самое энергичное дурачестье? И какъ подобныя выходки всегда тревожно играютъ душою себялюбца: горе, если такую выходку дозволитъ себѣ слабѣйшій передъ сильнѣйшимъ. Здѣсь она оставляется безъ отмщенія только потому, что разыграна принцемъ передъ дряхлымъ придворнымъ, упорно взявшимся доказать королю, что Гамлетъ помѣшанъ. *О, несносные старые глупцы!* восклицаетъ Гамлетъ, при уходѣ Полонія, и этимъ самымъ подтверждаетъ наше мнѣніе, что онъ вполнѣ понимаетъ глупаго

старика: и потому, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, даже не счелъ нужнымъ притворяться передъ нимъ, а только дурачилъ его. Въ этомъ дураченьи, конечно, заключена не шутка, а желчь; но въ такомъ состояніи, въ какомъ находится душа Гамлета, можетъ-ли быть чистая шутка; да и Полоній отвратителенъ ему, какъ всякій суетливый слуга ненавистнаго ему короля.

Вообще изъ встрѣчъ Гамлета съ разнохарактерными лицами, изъ рѣчей и обращенія его съ ними, можно заключить о его умѣ, волѣ, остроуміи, образованности, даровитости, чувствѣ; но надобно помнить, что все это теперь подъ гнетомъ горя. Въ этомъ-то еще и удивительна степень его силъ душевныхъ и сердечныхъ.

Когда, вслѣдъ за Полоніемъ, являются другіе два придворные, бывшіе училищные товарищи Гамлета, а теперь слѣпые исполнители воли коварнаго короля, суетливые рабы, унижающіе безсовѣстно достоинство человѣка, Гюльденстернъ и Розенкранцъ, молодые, свѣтскіе люди, Гамлетъ тотчасъ принимаетъ съ ними тонъ обращенія другой, безпрестанно мѣняющійся, способный щекотать ихъ самолюбіе пріятно или непріятно, снять съ нихъ маску, подѣйствовать еще на ихъ совѣсть, на все, что есть въ нихъ живаго. Въ разговорѣ съ ними Гамлетъ обнаруживаетъ сильное опытное знаніе молодаго сердца, свѣтлый умъ, мѣткое остроуміе, хотя опять естественно истекающее изъ страдальческаго огорченнаго сердца. Такой переходъ въ обращеніи отъ суетливаго старика къ свѣтскимъ молодымъ людямъ обличаютъ въ Гамлетѣ необыкновенную гибкость ума, силу воли, освоенность съ отношеніями людскими. Только пораженное сердце заставляетъ его выражаться желчно. Не случись сокрушительнаго горя — и Гамлетъ былъ-бы отличный дипломатическій умъ, государственный достойный человѣкъ.

Весь разговоръ Гамлета съ Розенкранцомъ и Гюльденстерномъ есть разговоръ двухъ свѣтскихъ придворныхъ съ понимающимъ ихъ проницательнымъ человѣкомъ. Замѣчателенъ ходъ этого разговора со всѣми его тонкими изгибами и складками, особенно въ рѣчахъ Гамлета, и какъ все это естественно нанизывается на одну и ту-же идею, идею сердечной горести его.

Явившіеся молодые придворные, Розенкранцъ и Гюльденстернъ, начинаютъ свѣтскими привѣтствіями. Гамлетъ, понимая тонъ этихъ привѣтствій, смѣшной для него, конечно, и прежде, а теперь, въ раздраженномъ состояніи, даже ненавистный, *принуждаетъ* себя разсыпаться въ подобныхъ-же привѣтствіяхъ и, какбы соблюдая тонъ товарищескій, восклицаетъ: *А, друзья мои! Здравствуй, Гюльденстернъ, и ты Розенкранцъ! Каково живете вы?*... Послѣ нѣсколькихъ, взаимно обмѣненныхъ, острыхъ шутокъ надъ фортуною, которую Гамлетъ назвалъ *щедрою прелестницею*, онъ, по свойству свѣтскаго собесѣдника, чтобы перейти къ другому предмету, спрашиваетъ: *Что новаго?* Услышавъ отъ Розенкранца одну изъ тѣхъ хвалебныхъ фразъ, какими постоянно продовольствуются желающіе составить себѣ карьеру въ свѣтѣ, фразу: *Ничего принцъ! Развѣ то, что свѣтъ сдѣлался честнѣе*, — онъ оставляетъ тонъ свѣтскаго человѣка и, затронутый внутренно въ своемъ положеніи, высказываетъ рѣзко: *И такъ видно ужъ близокъ день суда! Но ваша новость несправедлива.* — Надобно замѣтить, что Гамлетъ вездѣ, гдѣ затронется его горе, откликается. Но таковъ человѣкъ; простая поговорка: „у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ,“ подтверждаетъ это. — Уступая однакожъ молодости Гюльденстерна и Розенкранца и недавнему товариществу съ ними, онъ еще прибѣгаетъ къ испытанію ихъ сердца горько-откровеннымъ вопросомъ: *Скажите, чѣмъ прогнѣвали вы*

фортуну, что она посылаетъ васъ въ эту тюрьму? — Вопросъ этотъ — уже и приступъ основательнаго подозрѣнія, чтобы постепенно выпытать то, до чего, какъ мы увидимъ, и дойдетъ Гамлетъ. Когда Розенкранцъ съ нѣкоторымъ умничаньемъ высказываетъ, что Данія не кажется имъ тюрьмою, то Гамлетъ, какъ-бы равнодушно, но съ тайнымъ презрѣніемъ къ слѣпому самообольщенію и съ внутреннимъ негодованіемъ на безусловное противорѣчіе, говоритъ: *Слѣдственно для васъ она и не тюрьма: все хорошо или худо единственно отъ нашего мнѣнія....* Но тутъ не можетъ онъ удержаться отъ вздоха, чтобы хоть сколько нибудь облегчить свою грудь; этотъ вздохъ вылетаетъ словами: *Мнѣ она тюрьма!* Онъ не сказалъ-бы этого какому нибудь Полонію; но — передъ нимъ молодые еще люди, недавніе его товарищи: имъ, можетъ быть, недавно еще открывался онъ во многомъ, какъ молодой благородный товарищъ. Поэтому-же, когда Розенкранцъ задѣваетъ его самолюбіе словами: *И тому виною ваше честолюбіе*: *она* (Данія) *слишкомъ тѣсна для души вашей,* — Гамлетъ, какъ сконфуженный упрекомъ, желая заглушить, вырвавшійся передъ ограниченными людьми, вздохъ и поправить свою оплошность, пылко высказываетъ: *О Боже! Я помѣстился-бы въ орѣховой скорлупѣ и почиталъ-бы себя владыкой необъятнаго пространства, еслибъ только не злыя сновидѣнія мои;* — и такимъ образомъ невольно вздыхаетъ еще глубже. Еслибъ Розенкранцъ и Гюльденстернъ могли чистой, теплой душою приблизиться къ его горячему сердцу!.. Но — это не въ натурѣ ихъ; напротивъ они пустились въ холодныя школьныя умничанья о честолюбіи, такъ что Гамлетъ, съ негодованіемъ бросивъ имъ, въ опроверженіе ихъ умствованій, рѣзкій примѣръ, прерываетъ словами: *Не пойти-ль намъ ко двору? Умничанье, право, не мое дѣло.*

Затѣмъ отбивая фразу Розенкранца и Гюльденстерна: *Мы готовы къ вашимъ услугамъ, принцъ*, тѣмъ что *не хочетъ смѣшивать ихъ съ остальными своими служителями:* потому что *ему ирислуживаютъ ужасно*, онъ незамѣтно близится къ дознанію причины посѣщенія ихъ и ласково спрашиваетъ: *Но, ради старой дружбы, зачѣмъ вы въ Эльсинорѣ?... Мы желали только увидѣться съ вами, принцъ*, отвѣчаетъ Розенкранцъ... Чувствуя криводушіе въ этихъ холодныхъ словахъ, Гамлетъ прибѣгаетъ къ обыкновенной благодарности, выражая ее только по-своему; потомъ уже рѣшительно переходитъ къ допросу о причинѣ ихъ прибытія, смягчая допросъ заклинаніями во имя правъ ихъ братства, юношеской дружбы и любви къ нему; онъ проситъ ихъ сказать только—посылали-ль за ними король и королева. А это, конечно, по его благородному предположенію, откроетъ ему безпокойство преступныхъ отчима и матери; ихъ наблюденія за нимъ, мѣшающія его дѣйствіямъ; число ихъ сторонниковъ. — И молодость бывшихъ пріятелей не устояла: Гюльденстернъ, послѣ нѣкотораго колебанія, сознается: *Такъ, принцъ, за нами посылали.* Ободренный достиженіемъ цѣли и мѣткостію своей догадки, Гамлетъ опять замыкается въ своей скрытности и прибѣгаетъ къ мистификаціи. Подхвативъ отвѣтъ Гюльденстерна: *За нами посылали*, живою рѣчью: *А я скажу вамъ зачѣмъ. — Моя догадка предупредитъ ваше открытіе, и обѣщанная королю и королевѣ тайна не выронитъ ни одного пера* (т. е. тайна останется безъ слѣда, тайною), Гамлетъ хочетъ сказать, что совершенно постигаетъ ихъ посѣщеніе и что всетаки они узнаютъ не болѣе, сколько уже знаютъ король и королева. Сказавъ затѣмъ, для удовлетворенія ихъ суетности, что *незадолго передъ этимъ потерялъ онъ, самъ не зная отчего, веселость, оставилъ занятія и упражненія*, онъ краснорѣчиво, поэтически изо-

бражаетъ, вполнѣ впрочемъ согласно съ настоящимъ своимъ настроеніемъ, мрачное состояніе своей души, и заключаетъ словами: *Мнѣ люди противны: мужчины и женщины,— хотя улыбка твоя* (обращаясь вдругъ къ Розенкранцу) *и говоритъ, кажется, иное.*—Когда Розенкранцъ объяснилъ, что онъ улыбнулся только *отъ мысли какую бѣдную поживу получатъ отъ него актеры, если люди ему противны, и что актеры уже ѣдутъ предложить ему свои услуги*, Гамлетъ, соскучивъ натянутостію своего положенія и разговоромъ съ людьми совершенно ему не по-сердцу, охотно и быстро перемѣняетъ предметъ разговора: *О, нѣтъ!* возражаетъ онъ Розенкранцу, и, какъ живо любящій театральное искусство, тотчасъ-же назначаетъ роли актерамъ.—*Какіе это актеры?* спрашиваетъ онъ наконецъ: узнавъ что это извѣстные уже ему, расправшиваетъ очень заботливо объ ихъ участи, ихъ успѣхахъ; и услыхавъ, что другая партія актеровъ, неопытныхъ еще въ искусствѣ, но очень крикливая, поддерживаемая писателями — легкомысленными нововводителями и вѣтреною толпою, одержала надъ ними верхъ, болѣе нравится публикѣ, говоритъ, подавляемый опять своимъ неотступнымъ горемъ: *Неудивительно! Мой дядя въ датской коронѣ, и тѣ, которые косились на него при жизни моего отца, даютъ теперь тридцать, сорокъ, пятьдесятъ, сто червонцевъ за грудной портретъ его въ маломъ видѣ. Въ подобныхъ вещахъ скрывается нѣчто сверхестественное, еслибъ только могла разгадать ихъ философія.*

Тутъ слышится за сценою звукъ трубъ, означающій прибытіе актеровъ. Гамлетъ, обрадованный случайнымъ окончаніемъ несноснаго уже ему разговора, откровенно, хотя и не безъ сардоническихъ замѣтокъ, даетъ знать Розенкранцу и Гюльденстерну, что прибывшіе актеры для него милѣе ихъ,

и сардонически заключаетъ: *но мой дядя-отецъ и тетка-мать очень обманулись.* — Черствый вопросъ Гюльденстерна: *Въ чемъ, принцъ?* — ясно обличаетъ въ этихъ молодыхъ слугахъ короля слѣпоту и корыстные, честолюбивые виды, для которыхъ они совершенно оставили истинное достоинство человѣка, честь и долгъ, мрачатся умственно и стали, въ самомъ дѣлѣ, тѣми птицами, какими разумѣетъ ихъ Гамлетъ; онъ объясняется, на сдѣланный вопросъ, такъ: *Я помѣшанъ — только при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ; когда же онъ дуетъ съ юга, я могу еще отличить сокола отъ цапли.* Этимъ и высказываетъ, что ошибаются тѣ, кто почитаетъ его сумасшедшимъ, и что ему совершенно понятно, зачѣмъ они, Розенкранцъ и Гильденстернъ, подосланы.

Съ пришедшимъ Полоніемъ Гамлетъ становится опять человѣкомъ помѣшаннымъ, для глупаго старика, а собственно — только дурачащимъ его. Въ сценѣ съ нимъ ярко отражаются дѣтство и первая юность Гамлета, осмысленная въ возрастѣ зрѣломъ. Такъ — при извѣщеніи Полонія о прибытіи актеровъ; въ восклицаніи: *Нѣтъ? право?* и въ стихѣ: *„И актеры, верхомъ на ослѣ всякъ своемъ“*, слышатся умныя восклицанія ребенка; а въ прочихъ, прибранныхъ стихахъ — намеки умнаго юноши, много читавшаго и запомнившаго изрѣченія, годныя къ примѣненію въ жизни. Намеки Гамлета на *дочь Эвфты* доказываютъ, что онъ угадалъ подозрѣніе Полонія.

Встрѣчая актеровъ, Гамлетъ является тѣмъ веселымъ, умнымъ студентомъ и въ то-же время принцемъ, какимъ онъ былъ до своего несчастія. Свободно и радушно привѣтствуетъ онъ тружениковъ-актеровъ и обличаетъ въ себѣ жаркаго любителя искусства. И какъ обыкновенно въ жизни, кто чѣмъ занятъ, къ чему склоненъ или расположенъ, тотъ того и ищетъ хоть въ поэзіи, такъ и Гамлетъ проситъ актера тот-

часъ-же продекламировать, слышанный когда-то и любимый имъ, разсказъ объ убіеніи Пріама. Онъ даже самъ продекламировалъ начало этого разсказа. На первомъ стихѣ онъ сбился; это и естественно: при такомъ душевномъ положеніи память измѣняетъ. Предоставивъ продолженіе разсказа актеру, онъ слушаетъ длинный монологъ съ увлеченіемъ горячаго, раздражительнаго человѣка; потому-то замѣчаніе Полонія о монологѣ: *Какъ это длинно!* онъ рѣзко отталкиваетъ словами: *Какъ твоя борода: не худо и то и другое отправить къ брадобрѣю. — Продолжай, другъ мой!* (говоритъ онъ, обращаясь снова къ актеру). *Онъ засыпаетъ, если не слышитъ шутокъ, или непристойностей. — Ну, о Гекубѣ!*

Изъ вспоминанія такихъ мѣстъ, изъ цитатъ стиховъ и пѣсенъ видно, что Гамлетъ жилъ болѣе въ области поэзіи, нежели на землѣ. Оттого-то такимъ людямъ всегда тяжелѣе переносить и малѣйшій безпорядокъ земной; въ небѣ все прекрасно. Правда, въ Гамлетѣ это кажется помѣшательствомъ, но — таковъ поэтъ для земнородныхъ. А какъ благотворно подѣйствовала декламація на Гамлета; сколько, безъ сомнѣнія, воскресло въ душѣ его образовъ изъ минувшаго; сколько думъ пробудилось; онъ даже составилъ, какъ увидимъ, планъ сценическаго представленія для цѣли, которая съ нимъ неотступна. Все это такъ расположило его, что при новомъ глупомъ замѣчаніи Полонія, онъ уже удерживаетъ себя отъ вспышки и говоритъ: *Хорошо; окончаніе я услышу послѣ.* И затѣмъ заботится о приличномъ содержаніи актеровъ. Въ этой заботѣ успѣваетъ кинуть нѣсколько остроумныхъ замѣтокъ на счетъ обращенія съ людьми и спрашиваетъ мимоходомъ актеровъ—могутъ-ли они представить убійство Гонзаго, съ присоединеніемъ къ тому нѣсколькихъ стиховъ, которые онъ самъ напишетъ. Замѣчателенъ притомъ вообще

ласковый, какой-то товарищескій тонъ обращенія принца съ актерами. Наконецъ Гамлетъ разстается съ ними и, немногими словами: *но не смѣйтесь надъ Полоніемъ*, характеризуетъ какъ слабоумнаго Полонія, такъ и смышленыхъ актеровъ; взаключеніе — откланивается, съ обычнымъ свѣтскимъ привѣтомъ, Гюльденстерну и Розенкранцу, которые оставались, во время сцены съ актерами, совершенно для него незамѣтными.

Какъ утомился Гамлетъ въ долгомъ сообществѣ съ людьми, непріятными и даже пріятными ему, и какъ вожделѣнно сдѣлалось для него уединеніе, — потребность души особенно въ меланхолическую минуту, — показываютъ начальныя слова его монолога:

Богъ съ вами всѣми!—Наконецъ одинъ я!

говоритъ онъ со вздохомъ и, такимъ образомъ, прощаетъ имъ всѣ ихъ слабости, которыя, въ сравненіи съ предметомъ собственнаго его горя, конечно, представляются ему уже извинительными. И сколько опять христіанскаго терпѣнія въ восклицаніи: „*Богъ съ вами всѣми!...*“ Встрѣча Гамлета съ актерами, спутниками лучшаго его времени, а теперь — и лучшими людьми, размягчивъ сердце и устремивъ взглядъ его на самого себя, повергла его въ сильную меланхолію, въ уныніе. Нѣкоторые осуждаютъ за это Гамлета, видятъ здѣсь человѣка слабаго, совершенно безъ воли, бранящаго себя за бездѣйствіе и ничего не дѣлающаго. Такой судъ слишкомъ близорукъ; правда, подъ гнетомъ ужаснаго горя, онъ унываетъ; но кто-жъ, въ его лѣта, при горькихъ обстоятельствахъ, не унывалъ? А въ Гамлетѣ ясно видна и бодрость. Упрекая себя въ медлительности (а уже и тутъ бодрость), онъ идетъ къ дѣлу, хотя по-своему, но—онъ иначе не можетъ: онъ принцъ, благородный человѣкъ; между близкими его

нѣтъ ни одного истиннаго товарища въ его дѣлѣ; поднять народъ, можетъ быть, ему и удалось-бы, но онъ не опрометчивъ; онъ даже сомнѣвается еще въ возможности тайно открытаго ему злодѣянія — не была-ли тѣнь только искушеніемъ, лукавый демонъ, чтобы вовлечь его въ тяжелый грѣхъ: такъ страшится онъ неправаго поступка, оттого-то такъ и пораженъ такимъ поступкомъ.

Видѣнный мной призракъ,
Быть можетъ демонъ: духъ нечистый властенъ
Принять желанный образъ; какъ узнать,
Не мнилъ-ли онъ, лукавый искуситель,
Моей тоской и слабостью могучій,
Вовлечь меня въ тяжелый грѣхъ?..

И вотъ, для открытія истины, онъ прибѣгаетъ къ достойному, по его понятію, суду; если этотъ судъ изобличитъ короля, то — онъ преступникъ: Гамлетъ хочетъ подѣйствовать на его совѣсть посредствомъ представленія на сценѣ убійства, подобнаго разсказанному тѣнію отца, и заключаетъ свое намѣреніе словами:

Изъ представленья я устрою пасть —
Въ нее должна убійцы совѣсть впасть.

Съ этой минуты уныніе, замѣтно, начинаетъ одолѣвать Гамлета. И естественно: горе пало на душу его и ядомъ потекло по всему организму; крѣпкій организмъ сопротивлялся нѣкоторое время, потомъ, оставленный безъ пособія, безъ врачеванья, началъ затлѣваться. На душу падаютъ снова капли отравы и передаются тѣлу; теперь уже и отъ самого тѣла сообщается ядъ душѣ. Это естественно: каждый мыслящій и впечатлительный, углублявшійся въ себя и въ жизнь, подтвердитъ это. Спроситъ, можетъ быть, иной: „А зачѣмъ-же Гамлетъ не бодрствовалъ надъ собою, зачѣмъ не обратился

съ мольбою къ небу, вѣдь онъ — вѣрующій?“ Отвѣтимъ на это вопросомъ-же: „А зачѣмъ такіе несчастные случаи бываютъ? А Шекспиръ только срисовывалъ, а не вымышлялъ согласно требованіямъ каждаго. Зачѣмъ иногда очень вѣрующіе, на пути житейскомъ, постигнутые горемъ, ослабѣваютъ дотого, что умираютъ, подъ ударомъ душевнымъ? А Гамлетъ еще борется или хоть готовится на борьбу, только посвоему, какъ поэтъ; и такъ — онъ не слабый человѣкъ.“

Замѣтимъ кстати, что Гамлетъ, упрекая самъ себя въ малодушіи, нигдѣ не оправдывается въ этомъ чужою виною, что также показываетъ его душевную бодрость.

Минуты унынія до того стали овладѣвать душою Гамлета, что, въ одну изъ такихъ минутъ, онъ задаетъ себѣ отчаянный вопросъ:

Быть, иль не быть — таковъ вопросъ; что лучше,
Что благороднѣй для души: сносить-ли
Удары стрѣлъ враждующей фортуны,
Или возстать противу моря бѣдствій,
И ихъ окончить?...

Замѣтьте,—въ самомъ размышленіи о смерти, Гамлетъ думаетъ о *благородствѣ;* а здѣсь это понятіе о благородствѣ равняется уже понятію религіозному, въ чемъ убѣждаютъ насъ и дальнѣйшія его рѣчи: размышляя о смерти, онъ приходитъ къ мысли о неизвѣстности загробной жизни. Эта мысль останавливаетъ его, хотя и дѣлаетъ недовольнымъ. Не то-же-ли происходитъ и съ каждымъ человѣкомъ, изнемогающимъ иногда подъ гнетомъ унынія?... Конечно, еслибъ Гамлетъ продолжилъ свое размышленіе, онъ, вѣрно, пришелъ-бы къ мысли, что самоубійство еще бо́льшая слабость, нежели изнеможеніе,—хотя-бы и терпѣливое, — подъ горемъ; онъ, какъ вѣрующій и разсудительный человѣкъ, безъ сомнѣнія, пришелъ-бы къ этой мысли, но — онъ увидѣлъ бывшую подругу

сердца, *прелестную* Офелію, и, въ эту минуту тяжкой грусти, обратился къ ней съ мольбою—*помянуть грѣхи его въ ея молитвѣ!*

Нѣкоторые принимаютъ это обращеніе Гамлета къ Офеліи за сарказмъ, но ошибаются: Гамлетъ хорошо различаетъ людей, — онъ обращается сурово съ матерью, презрительно съ отчимомъ, дурачитъ Полонія, саркастически говоритъ съ Гюльденстерномъ и Розенкранцемъ, но уважаетъ актеровъ, цѣнитъ Горацію, Лаэрта; почему-же въ этихъ словахъ, обращенныхъ, въ минуту тяжкаго унынія, къ другу сердца, не промолвившему еще ни слова, и при постоянной религіозности Гамлета, видѣть сарказмъ, когда мы видѣли, что онъ, погруженный въ чтеніе, встрѣчаясь даже съ Полоніемъ, отдалъ обычное привѣтствіе, и перемѣнилъ тонъ обращенія только тогда, когда Полоній началъ глупостію. Такъ и вездѣ настоящій, нормальный человѣкъ въ Гамлетѣ является безъ упрека достойнымъ. Да и Офелія встрѣтила-бы сарказмъ его не тѣмъ простодушнымъ вопросомъ, какой она ему дѣлаетъ.

Многое могла-бы Офелія надъ сердцемъ Гамлета, еслибъ, при своей миловидности, она была-бы не привлекательнымъ только дитятей, а дѣвушкою, которая обладала-бы глубокимъ смысломъ, сильнымъ чувствомъ. Тогда своимъ сочувствіемъ она могла-бы постичь болѣзнь души друга, облегчить его страданія и такимъ образомъ возстановить его духъ и бодрость... Но и единственный нѣжный другъ, миловидная Офелія—женщина, не выходящая изъ ряда обыкновенныхъ: она можетъ любить, быть вѣрною спутницею, такъ называемаго, здравомыслящаго человѣка, но—она не можетъ, не въ силахъ постичь Гамлета. Она имѣетъ довольно свѣтлаго понятія, когда, въ минуту жаркаго сознанія, восклицаетъ:

Какой высокій погубленъ въ немъ духъ!
Мечъ воина, языкъ витіи, взоръ

Придворнаго, надежды цвѣтъ для царства,
Зерцало нравовъ, образецъ всему,
Цѣль наблюденій общихъ—все погибло!...

И затѣмъ жалѣетъ, что ей, *испившей сладость чарующихъ его обѣтовъ*, судьба судила: *Знать, что теперь онъ, знавши, что онъ былъ*.—Но есть-ли въ этой оцѣнкѣ, во всѣхъ этихъ словахъ необыкновенная возвышенность собственныхъ чувствъ и мысли Офеліи? Да и эти понятія всѣ-ли возникли сами собою въ душѣ ея? Не развили-ль ихъ въ ней, напр., Лаэртъ, Гораціо, или иные благородные умы? Офелія скорбитъ болѣе о томъ, чего лишилась сама, а не о томъ, чего лишилось въ Гамлетѣ человѣчество. Она все-таки видитъ въ Гамлетѣ безвозвратно погибшаго, и думаетъ такъ не потому, что сама убѣдилась въ томъ, но — что въ томъ убѣдилъ ее Полоній, которому она предана безусловно, какъ дитя отцу. Такою дѣтскою преданностію и чистотою почти младенческой души и можно объяснить ея безпрекословное согласіе на то, что король и отецъ будутъ *подслушивать* ея бесѣду съ Гамлетомъ. Она не безчувственна, — смерть отца лишила ее разума, погубила ее; но она нравственно не могла возвыситься дотого, чтобы вполнѣ сочувствовать Гамлету, рѣшиться страдать съ нимъ, быть его спутницею въ жизни, дѣлить съ нимъ горе такъ-же, какъ-бы и радость. Она никогда даже не рѣшилась спросить — что его мучаетъ, безпокоитъ. Такого вопроса она не сдѣлала и теперь на глубокій вздохъ, вышедшій изъ удрученной груди Гамлета; напротивъ она дѣлаетъ почти неловкій вопросъ, конечно, отъ неумѣнья обойтись лучше, въ эту минуту, съ Гамлетомъ, сумасшедшимъ, какъ ее убѣдили. Она спрашиваетъ: *Принцъ, здоровы-ль вы все это время были?* И Гамлетъ на такой обыкновенный вопросъ отвѣчаетъ также обыкновеннымъ образомъ: *Благодарю сердечно*; *я здоровъ былъ*. — Но когда

вслѣдъ затѣмъ она хочетъ возвратить ему полученные отъ него подарки, говоритъ разсудительно, не попрежнему, какъ, млѣя въ восторгѣ, внимала его клятвамъ, онъ раздражается, видитъ въ ней женщину и, на ту минуту, забываетъ предметъ любви; а женщина ему, въ лицѣ самой матери, ненавистна; *„бренность, твое названіе, женщина!“* сказалъ онъ давно, въ подобную-же минуту подозрѣнія, оправдавшагося къ несчастію впослѣдствіи такъ страшно. Гамлетъ думаетъ, что уже и Офелія желаетъ *казаться* добродѣтельною, и—разражаясь желчнымъ хохотомъ—онъ спрашиваетъ ее:

— Добродѣтельна-ли ты?

Офелія (съ изумленіемъ произноситъ). Принцъ!

Гамлетъ. Прекрасна-ли ты?

Офелія. Что хотите сказать вы, принцъ?

Гамлетъ. Что если ты добродѣтельна и прекрасна, то добродѣтель твоя не должна принимать красоту къ себѣ въ бѣсѣду...

Продолжая развивать эту мысль, явно порожденную въ немъ поступкомъ матери, онъ вдругъ говоритъ: *Я нѣкогда любилъ тебя.*

Офелія. Да, принцъ, вы заставили меня тому вѣрить.

Гамлетъ. А вѣрить было не должно: добродѣтель никогда не прививается къ природному нашему стеблю (т. е. къ грѣховному нашему организму) столь сильно, чтобы вкусъ его вовсе въ насъ не отзывался: я не любилъ тебя.

Нѣкоторые принимаютъ эти слова,—сказанныя, замѣтимъ, въ минуту особеннаго возмущенія сокрушающагося человѣка,—подтвержденіемъ мнѣнія, что Гамлетъ не любилъ Офелію. Но это—странная ошибка. Гамлетъ, по своей благородной натурѣ, хотѣлъ только дать понять дѣвушкѣ, что даже и его любовь не могла быть безукоризненно чистою, святою, и тѣмъ какбы устранить ее совершенно отъ обаяній. Такимъ обра-

зомъ въ этомъ изъявленіи его нелюбви видна еще болѣе истинная, благородная любовь и убѣдительное подтвержденіе, что онъ искренно любилъ Офелію, какъ созданіе прекрасное, только любилъ любовію не исключительною.

Потомъ онъ даетъ ей рядъ наставленій, выходящихъ изъ души, обуреваемой сомнѣніемъ, разочарованіемъ, подозрѣніемъ; отсылаетъ ее въ монастырь, какъ единственное убѣжище невинности; отсовѣтываетъ выходить замужъ, чтобы не произвести на свѣтъ грѣшниковъ или не сдѣлать мужа *чудовищемъ.* — *Въ монастырь говорю я!* — заключаетъ онъ и уходитъ, пробудивъ тревогу въ сердцѣ и душѣ Офеліи. — Возразятъ, можетъ быть: „А зачѣмъ-же Гамлетъ не уступилъ Офеліи, зачѣмъ не смягчился хоть передъ нею?" — Нѣтъ, онъ смягчился, просилъ ее о молитвѣ за него, и только тогда, когда она коснулась его ранъ, онъ заговорилъ, какъ больной. А можно-ли осуждать больнаго?!.. Вообще вся эта сцена, всѣ эти наставленія, убѣжденія, чтобы Офелія заключилась въ монастырь, говорятъ за любовь Гамлета къ Офеліи; да и самая натура Гамлета не могла быть безъ любви. Только поступкомъ матери онъ такъ разочаровавъ въ человѣкѣ, что готовъ сомнѣваться даже въ самомъ себѣ: *Я самъ, напримѣръ, довольно честенъ,* — говоритъ онъ, — *однакожъ заслуживаю такія обвиненія, что лучше было-бы мнѣ вовсе на свѣтъ не родиться. Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ; я имѣю недостатковъ болѣе, нежели мыслей — ихъ обдумать, воображенія — ихъ представить, или времени — привести ихъ въ дѣйство. Зачѣмъ пресмыкаться такимъ тварямъ, какъ я, между небомъ и землею?...* Изъ всего видно, что Гамлетъ, по истинной любви къ Офеліи, затронутый ею въ больную часть его сердца, наговорилъ ей откровенно самыхъ рѣзкихъ истинъ, преувеличенныхъ понятій, какихъ не сказалъ-бы онъ человѣку нева-

вистному или хоть нелюбимому. Кто назоветъ здѣсь Гамлета и неистовымъ или безумнымъ: самъ король, слышавшій весь этотъ разговоръ, сознаетъ, что:

Въ словахъ его не много, правда, связи,
Но нѣтъ безумства.

Еслибъ, обращая вниманіе на слова и выраженія, люди обращали взглядъ и на источникъ ихъ, на душу и сердце, сколько просвѣтлѣлъ-бы судъ человѣческій, сколько уменьшилось-бы грѣха осужденія ближняго, сколько уничтожилось-бы братоубійства!...

Сознавая, что Гамлетъ потрясенъ душевно и тѣлесно и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, раздражается до помѣшательства, мы не можемъ въ то-же время не видѣть — сколько еще въ немъ здоровыхъ, прекрасныхъ силъ: такъ при встрѣчахъ, ему по-сердцу, онъ является самымъ здравомыслящимъ образованнымъ человѣкомъ. Такимъ видимъ мы его тотчасъ-же въ слѣдующей сценѣ съ актерами, гдѣ онъ — истинный критикъ, цѣнитель драматическаго искусства, умный человѣкъ въ своихъ распоряженіяхъ передъ началомъ спектакля, въ порученіи, даваемомъ другу, Горацію. И какъ прекрасно понимаетъ онъ дружбу! Истинно благородная, возвышенная душа!

Ты, мой Горацію, лучшій изъ людей,
Какихъ встрѣчалъ когда-либо я въ жизни.

говоритъ Гамлетъ и продолжаетъ:

Не думай, что я льщу:
Какой награды ждать мнѣ отъ тебя?
Ты бѣденъ, долженъ собственнымъ умомъ быть
Одѣтъ и сытъ. За чтожъ льстить бѣднымъ? Нѣтъ!
Пусть злато лижетъ сахарный языкъ;
Пусть гнется тамъ послушное колѣно,
Гдѣ плата есть за униженье! — Слушай:

Когда я началъ различать людей,
И къ выбору способенъ сталъ душою,
Тебя избралъ я. Ты терпѣлъ такъ много,
И не терпѣлъ, казалось, ничего;
Ты принималъ, съ благодареньемъ равнымъ,
Фортуны гнѣвъ и ласки. Счастливъ тотъ,
Въ комъ кровь съ разсудкомъ смѣшана такъ вѣрно,
Что не слѣпая онъ причудъ игрушка
Слѣпой фортуны. Укажи мнѣ, кто
Не рабъ страстей: того я заключу
Въ душѣ, да, въ сердцѣ сердца моего,
Какъ и тебя я заключилъ.

Неужели въ этомъ высокомъ истинномъ понятіи о человѣкѣ и дружбѣ виденъ себялюбецъ? — Только грубый умъ или поверхностно-судящій найдетъ въ немъ смыслъ себялюбца, домогающагося лестью пріобрѣсти себѣ соглядатая въ предпринимаемомъ дѣлѣ. Нѣтъ — здѣсь видно, какъ Гамлетъ дорожитъ своею тайной: онъ ввѣрилъ ее только одному Гораціо. Тайна эта получаетъ особенную важность и потому, что она — государственная. Гамлетъ рѣшаетъ дѣло семейное, но— королевское, хотя нигдѣ не говоритъ о королевствѣ, подобно какъ преслѣдующій государственное зло старается истребить это зло, но не оглашаетъ его, желая охранить спокойствіе страны. Только послѣднія предсмертныя слова Гамлета о коронѣ, ясно обличаютъ его тайныя заботы о государствѣ. — Напрасно упрекать его и въ излишней медлительности; — онъ только не хочетъ ошибиться, промахнуться: онъ справедливый судья даже и въ тяжкомъ для него самого процессѣ, но вмѣстѣ и человѣколюбивъ, — онъ хочетъ произнести судъ лишь тогда, когда не останется ни малѣйшаго сомнѣнія. Себялюбецъ-ли онъ, послѣ всего этого?... Тѣнь отца онъ готовъ признать тѣнью адскою, демономъ, если не уличитъ подозрѣваемаго злодѣя. — Себялюбецъ-ли онъ послѣ

этого?... Нѣтъ, тутъ строгая человѣческая добросовѣстность судьи, умъ здоровый, воля твердая, сердце доброе....

> Идутъ — я снова долженъ быть забавнымъ.
> Сыщи себѣ удобнѣйшее мѣсто.

говоритъ онъ къ Горацiо, когда увиделъ входящихъ зрителей. И дѣйствительно, изъ ѣдкихъ отвѣтовъ королю и королевѣ, изъ дураченья, обращеннаго на Полонiя, изъ рѣзкихъ и саркастическихъ словъ къ Офелiи, онъ кажется всѣмъ имъ сумасброднымъ, но—не зрителю партера, на котораго производитъ тяжкое впечатлѣнiе.

Но вотъ торжество Гамлета: король не выдержалъ представленiя; какъ въ зеркалѣ, увидѣлъ онъ свой адскiй поступокъ, смутился еще болѣе потому, что онъ обличенъ, и — убѣжалъ, будто преслѣдуемый.... Гамлетъ торжествуетъ: судъ конченъ, преступникъ сознался. Гамлетъ торжествуетъ, не какъ судья, довольный своимъ дѣломъ, спокойно заносящiй этотъ случай въ свои меморiи, нѣтъ, Гамлетъ торжествуетъ, какъ юноша, какъ поэтъ: для него не только судъ, но и расправа кончились; онъ допытался до истины, довелъ преступника до сознанiя, казнилъ его поэтически и — радуется поэтически. Уголовная расправа — не его дѣло. Послѣ этого онъ, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ изъ себя, но какъ поэтъ. Пораженный король-злодѣй кричитъ: *Посвѣтите мнѣ*; торжествующiй поэтъ Гамлетъ хохочетъ и требуетъ: *Эй, позовите музыкантовъ!..* И какъ восторженность освѣжила, ободрила Гамлета, какъ льются умно, остро, живо рѣчи его къ Гюльденстерну и Розенкранцу, которыхъ онъ уже открыто презираетъ, какъ низкихъ и ничтожныхъ; какъ легко и поэтично дурачитъ онъ Полонiя. Но торжество поэта не затмило въ немъ разсудка человѣка и чувства сыновняго: онъ рѣшается явиться къ матери грознымъ, но говоритъ:

Грозя кинжаломъ, не коснусь кинжала,
Притворной рѣчью скрою чувства сердца;
И трепетать заставивши злодѣйство,
Не приведу угрозъ словесныхъ въ дѣйство.

Необходимо однакожъ замѣтить, — сильный восторгъ былъ и новымъ потрясеніемъ для организма Гамлета, а ему предстоитъ еще судъ съ матерью, — минута ужасная!...

Вотъ, положительный человѣкъ, король, тотъ сейчасъ рѣшилъ — удалить его въ Англію, потому что *онъ ему противенъ и опасенъ.* — Каковъ-же, въ сравненіи съ нимъ, Гамлетъ: и уличивъ злодѣя и встрѣтивъ удобную минуту къ отмщенію, онъ не рѣшается, удерживаемый какимъ-то пришедшимъ ему на ту пору разсужденіемъ. Здѣсь уже шагъ, въ которомъ дѣйствительно проявляется отсутствіе здраваго разсудка и, вѣроятно, принятое когда-то въ дѣтствѣ, суевѣрное понятіе. — Гамлетъ, идя къ матери, застаетъ, въ одной изъ комнатъ, короля, молящагося на колѣнахъ. Онъ покушается пронзить его мечемъ, — но удерживается мыслію, что убитый во время молитвы, онъ очистится отъ всякаго грѣха, тогда какъ отецъ его умерщвленъ врасплохъ; и что поэтому надобно убить его въ другую минуту, чуждую всякой мысли о спасеніи. Разсужденіе это соткано софистически. Есть въ человѣкѣ, кромѣ ясныхъ побужденій на какой-либо поступокъ, еще и темныя побужденія, не сознаваемыя имъ въ минуту дѣйствій его, но всеже присутствующія въ немъ. Это тѣ начала, которыя проникаютъ всего человѣка и даютъ направленіе всѣмъ его дѣйствіямъ: почему во всѣхъ дѣйствіяхъ или поступкахъ его всегда есть преобладающая доля того или другаго, почему и его самого мы называемъ добрымъ или злымъ. Такъ и Гамлетъ удерживается отъ убійства не сознаваемымъ имъ на ту пору, но проникающимъ его всегда, въ бодромъ хоть сколько-нибудь состояніи, понятіемъ благород-

ства и религіозности: передъ нимъ жертва совершенно беззащитная; убійство, какъ грѣхъ, было ему всегда противно; ктому-же онъ не былъ подготовленъ къ этой встрѣчѣ, а напротивъ былъ весь занятъ совершенно другимъ, тяжкимъ для него, дѣломъ съ матерью, для котораго именно отгонялъ отъ себя всякую мысль о убійствѣ. А кому неизвѣстны случаи, что въ тяжелую минуту человѣкъ замышлялъ умертвить себя, или другаго, а когда представлялся къ тому случай, онъ оставлялъ свой замыселъ, удерживаясь какимъ-либо разсужденіемъ здравымъ или ложно сотканнымъ. Такъ и Гамлетъ удерживается, въ настоящую минуту, отъ убійства будто-бы рѣшеніемъ продлить жизнь злодѣя только для большихъ мукъ.— Не святая, однакожъ, минута была и для души короля: оставляя молитву, онъ говоритъ:

Слова горѣ, но долу мысль стремится:
Безъ мысли слово къ небу не домчится!

Замѣчательно у Шекспира это сближеніе: благородный и въ самую тяжкую минуту удерживается отъ преступленія воспоминаніемъ о загробной жизни; въ то-же время злодѣй — и въ молитвѣ не можетъ найти успокоенія. Но таковъ истинный геній: онъ, и безъ умысла, моралистъ.

И такъ неподготовленная вовсе встрѣча съ королемъ, — совершенно противная образу дѣйствій Гамлета, — какъ и изъ всего видно, — могла только усилить въ немъ мрачное расположеніе, съ которымъ шелъ онъ къ матери, но отнюдь не измѣнить его натуры. — До какой степени невыносима была для него сцена съ матерью, видно изъ всего вполнѣ развитаго хода этой сцены. Еще за стѣною слышны его вопли. Какія ужасныя мысли, какимъ огнемъ сжигаемыя чувства издали эти вопли! Вся вѣра въ человѣка, въ прекрасное будущее для Гамлета разбита родною его матерью, преступною

матерью!... Съ какимъ душевнымъ волненіемъ явился теперь Гамлетъ!... И — въ этомъ-то положеніи — мать встрѣчаетъ его холодно-разсудительнымъ упрекомъ:

Тобой отецъ твой сильно оскорбленъ.

Можно-бы спросить, зачѣмъ-же Гамлетъ приступаетъ къ такому дѣлу не съ большею бодростію; вѣдь онъ, безъ сомнѣнія, уже готовился къ нему?" Но, мы думаемъ, что этого вопроса не сдѣлаетъ никто, изъ состраданія къ молодому не практическому, а, какъ видно, болѣе поэту, нежели положительному человѣку. Да, — не откажутъ ему въ состраданіи тѣ, кто постигъ бездну его горя.

Въ сценѣ съ матерью обнаруживается уже послѣднее усиліе Гамлета подѣйствовать на человѣка достойнымъ и возможнымъ, по его понятію, образомъ; но — усиліе тщетное! И Гамлетомъ одолѣваетъ рѣшительное изнеможеніе, отчаяніе; все послѣдующее уже исходитъ изъ него невольно, если еще иногда сильно, то благодаря только его молодой, и только потому еще, не совершенно истлѣвшей натурѣ. — Прослѣдимъ эту сцену.

Послѣ отрывистыхъ рѣчей, — бездушно-гувернантскихъ со стороны матери, и бьющихъ изъ кипучей бездны чувствъ со стороны Гамлета, — едва королева, испугавшаяся, какъ уже не родная мать, а посторонняя женщина, закричала о помощи, Гамлетъ, услыхавъ другой крикъ, за дверiю занавѣсою, и, въ оглушеніи чувства, не разбирая, чьи вопли, предполагая спрятавшагося за занавѣсью короля, поражаетъ въ изступленіи, сквозь занавѣсь, Полонія. — На возгласъ матери: *Какой кровавый, бѣшеный поступокъ!* — Гамлетъ, пораженный самъ опрометчивостію, опамятовается минутно и, не безъ упрека самому себѣ, сознаетъ, что поступокъ ѐго такой-же кровавый, *какъ убить короля и стать супругой деверя.* —

Какъ убить короля! спрашиваетъ мать, пошло домогаясь притворствомъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе.— Гамлетъ съ рѣшительною откровенностію подтверждаетъ краткимъ отвѣтомъ: *Убить, убить; такъ точно!...* И обращаясь къ трупу Полонія, съ безпокойствомъ неумышленнаго убійцы и разсудительнаго человѣка, говоритъ:

Прости, ты, жалкій, дерзостный глупецъ!
Я счелъ тебя за лучшаго, чѣмъ ты.
Какъ быть! — Лукавство, видишь самъ, опасно.

Можетъ быть, мать и дѣйствительно не знала о тайномъ убійствѣ мужа ея, по крайней мѣрѣ, въ трагедіи нигдѣ этого не разъяснено; но она могла подозрѣвать неестественность смерти его, какъ подозрѣвалъ и Гамлетъ; а какъ она притомъ ускорила и новымъ замужствомъ послѣ внезапной смерти любившаго ее человѣка, то, конечно, и не хотѣла знать причину его смерти, заглушала совѣсть и - - стала сообщницею убійцы, а такимъ образомъ если не прямою убійцею, то посредницею въ убійствѣ.

Опрометчивость Гамлета, какъ угрызеніе совѣсти, остановила на время бурю въ душѣ его; но увидѣвъ, что королева, въ какомъ-то смятеніи, ломаетъ себѣ руки, онъ опять возвращается къ тому, зачѣмъ пришелъ — подѣйствовать на сердце матери. Упорство ея, съ которымъ она такъ грубо хочетъ казаться невинною, выразившееся въ пустыхъ звукахъ:

Въ чемъ я виновна, что языкъ твой смѣетъ
Мнѣ изрыгать угрозы?

подымаетъ снова бурю въ душѣ Гамлета. Забыто только-что совершившееся убійство, забыто все; одинъ ужасный поступокъ матери передъ глазами сына, и — онъ изображаетъ ей страшныя слѣдствія этого поступка. Мать, продолжая бездушно упорствовать, спрашиваетъ:

О, какой проступокъ
Ты возвѣщаешь столь ужаснымъ?

Гамлетъ, не обращая вниманіе на это продолжающееся упорство, представляетъ, въ самыхъ яркихъ краскахъ, совершенно рѣзкую противоположность портретовъ покойнаго и настоящаго ея мужей; говоритъ, что поводомъ къ новому ея замужству не могла быть любовь, что въ ея лѣта кровь не бунтуетъ: только безстыдный разсудокъ видѣнъ въ такой замѣнѣ....

О, какой-же демонъ
Тебя такъ злобно, дивно ослѣпилъ!...
Остатокъ бѣдный чувства впасть не могъ
Въ обманъ столь грубый....

Мѣткіе укоры раздраженнаго Гамлета такъ подѣйствовали, что наконецъ мать содрогнулась. Продолжая свирѣпо негодовать, Гамлетъ неистово поноситъ короля и начинаетъ выходить изъ себя. Неистовство уже близилось къ бѣшенству, но — тутъ пробудилось сыновнее чувство — онъ видитъ тѣнь отца, явившуюся напомнить ему, что онъ долженъ пощадить мать, какъ созданіе слабое. — Замѣтимъ мимоходомъ высокую нѣжность Шекспира: достойный мужъ любитъ и за гробомъ свою жену, хотя и виновную передъ нимъ!... Съ появленіемъ тѣни, напомнившей о сыновнемъ долгѣ, Гамлетъ замѣтно смягчается и даже очень благоразумно совѣтуетъ матери покаяться и исправиться. Затѣмъ переходитъ съ сожалѣніемъ, съ упрекомъ самому себѣ, къ заботѣ о Полоніи; и прощаясь съ матерью, какбы извиняется передъ нею въ своемъ настоящемъ поведеніи: *Я жестокъ*, говоритъ онъ, *когда хочу дѣйствовать съ любовію.* — Наконецъ онъ хотѣлъ начать еще слово къ матери, повидимому, о своей отправкѣ въ Англію, но — опять бездушный, безумный во-

просъ ея, послѣ всей этой сцены, послѣ всѣхъ убѣжденій: *Что должна я дѣлать?* выводитъ Гамлета изъ себя и ввергаетъ въ рѣшительное отчаяніе, что образумить мать, пробудить въ ней достойное человѣческое чувство — напрасное усиліе, и онъ кричитъ въ отвѣтъ:

Не то, чего я требую, конечно!...

и рисуетъ съ презрѣніемъ ея постыдныя брачныя узы, намекаетъ — какъ король своей коварной лаской купитъ у нея признаніе, что сынъ ея только притворяется сумасшедшимъ. Этого признанія, какъ видно, не желалъ-бы Гамлетъ; и мать успокоиваетъ его словами, что *въ ней нѣтъ силъ дохнуть слово о томъ, что онъ ей говорилъ.* Новымъ вопросомъ—*извѣстно-ли ей, что его отправляютъ въ Англію,* онъ, — какъ должно заключить, — желалъ отъ самой матери, повидимому тронутой, узнать причину и цѣль этой отправки. На ея отвѣтъ, какой-то оффиціальный, безотрадный, Гамлетъ высказываетъ съ негодованіемъ, порывисто, что его отправляютъ съ двумя друзьями-ехиднами, въ Англію, на погибель, и такимъ образомъ, укоряетъ въ этомъ злонамѣренномъ дѣлѣ мать, какъ соучастницу. Взаключеніе, новое безпокойство Гамлета о трупѣ Полонія показываетъ, какъ встревоженъ онъ своею опрометчивостію. Правда, послѣднія рѣчи его къ Полонію— уже сарказмы, хотя и вѣрные по отношенію къ жизни Полонія: но не забудемъ—изъ какого огорченнаго хаотическаго состоянія души исходятъ они.

Всѣ волненія, совершившіяся съ душою Гамлета, по смерти отца до настоящей минуты, могутъ каждому дать понятіе,— какое разрушительное вліяніе имѣли они на весь организмъ молодаго впечатлительнаго человѣка, и чего можно ожидать теперь отъ него, который и самъ уже упрекаетъ себя въ медленности. Но уже это сознаніе — только слабый лучъ быв-

шей энергіи. А между тѣмъ ему готовятся ковы, въ которыхъ запутывались и умнѣйшіе въ мірѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекращалась и ихъ дѣятельность на полупути.

Составилъ-ли себѣ Гамлетъ планъ для разсмотрѣннаго нами разговора съ матерью, изъ рѣчей его не видно, но цѣль ясна,—онъ домогался привести мать въ раскаяніе. Раскаяніе требуетъ совершеннаго отчужденія отъ дѣйствій и предмета, къ которымъ заблудшійся привязанъ; этого Гамлетъ не достигъ. Еслибъ это удалось ему, на его сторонѣ было-бы все, чтобъ идти противъ злодѣя-короля: онъ имѣлъ-бы въ раскаявшейся преступницѣ снова родную мать и лучшаго свидѣтеля и обвинителя злодѣя, и возсталъ-бы уже не на родственника и мать, а только—на злодѣя... Но мать не раскаялась: падшая ея натура не можетъ возстановиться. Попытка напрасна и, притомъ, Гамлетъ, въ неистовствѣ, впалъ почти въ то-же преступленіе, въ какомъ и его мать.

Какой кровавый, бѣшеный поступокъ!

восклицаетъ мать, при убійствѣ Полонія.—*Кровавый!* спрашиваетъ Гамлетъ и отвѣчаетъ самъ:

Такъ-же, королева, какъ
Убивъ царя, стать деверя супругой!

Все предшествовавшее, въ чемъ переболѣли душа и тѣло Гамлета, дотого разстроило его, что онъ ввергнулся въ какое-то отуманеніе: это особенно видно, когда онъ припрятываетъ трупъ Полонія. Рѣчи его къ пришедшимъ Гюльденстерну и Розенкранцу проникнуты уже одною желчью. На требованіе Розенкранца — указать, гдѣ тѣло Полонія, — Гамлетъ отвѣчаетъ уже совершенно безцеремонно, даже называетъ Розекранца губкою, глупцомъ, даже напоминаетъ о себѣ, что онъ сынъ короля, и потому считаетъ неприличнымъ давать отвѣты ка-

кому-нибудь Розенкранцу; самого короля онъ называетъ *нечто* или *ничто*. Съ королемъ онъ обращается презрительно; и наконецъ, доведенный до безсилія связаннаго или до состоянія человѣка, лишеннаго воли, сыплющаго напрасно, безплодно, желчныя насмѣшки негодованія, онъ позволяетъ везти себя въ Англію и только — не безъ надежды на лучшее будущее. Образъ и сущность выраженій его сохраняютъ еще колоритъ прежній, но—какъ въ больномъ — духъ бодръ, а плоть немощна. Разставаясь съ королемъ, онъ говоритъ: *Простите, нѣжная матерь моя!* — какбы высказывая, что виною его отправки въ Англію мать, которую сравниваетъ съ королемъ-злодѣемъ. Къ довершенію бѣдствій, онъ теперь окончательно въ рукахъ злодѣевъ.

Еще состояніе души его принимаетъ мирный, здоровый видъ, когда онъ встрѣчается съ людьми лучшими. Такъ, встрѣтивъ случайно войско, идущее на завоеваніе небольшаго клочка земли, онъ ободряется тѣмъ, что нѣсколько тысячъ человѣкъ идутъ охотно на смерть.

. . . . Быть истинно великимъ, значитъ
Не возставать безъ побужденій важныхъ,
Но почитать великою бездѣлку,
Когда о чести дѣло. . . . . .

говоритъ онъ, размышляя о мірской дѣятельности, и обращаясь съ упреками къ самому себѣ, заключаетъ:

Упейся-жъ кровью, праведное мщенье
Иль вовсе я ничтожное творенье!

Но все это уже только предсмертный вздохъ или надежды умирающаго въ цѣпяхъ. На кораблѣ въ Англію онъ случайно узнаетъ о готовившейся ему гибели, — новый ударъ горя,—и также случайно возвращается въ Данію. Твердость его среди коварства, а не на дѣятельномъ достойномъ поприщѣ,

должна естественно изнемочь: появленіе его на кладбищѣ, разговоръ съ могильщикомъ, печальныя заключенія надъ черепами, все говоритъ о его меланхоліи; и все послѣдующее не являетъ уже той силы душевной, какая была вначалѣ.

Какъ многіе испытали въ жизни своей болѣе или менѣе подобное состояніе. Счастливъ тотъ, кому свѣтлые умы или новыя лучшія обстоятельства помогли воскреснуть!

Замѣчателенъ еще разсказъ Гамлета, какъ онъ избѣгнулъ гибели, замѣнивъ себя Гильденстерномъ и Розенкранцемъ. Онъ, повидимому, не печалится о нихъ, потому что они какбы сами того домогались. Но это только повидимому: уже самое желаніе — оправдаться въ этомъ поступкѣ — представляетъ слова больнаго, страждущаго меланхоліею; а самый поступокъ совершенъ въ азартѣ, поступокъ человѣка, волнуемаго справедливымъ мщеніемъ и готоваго излить его хоть на какого-нибудь злодѣя.—Вообще Гамлетъ изнемогъ и проявляющіяся по временамъ попытки его подобны вспышкамъ догорѣвшаго предмета. А какъ предметъ былъ лучшаго свойства, то и самыя вспышки необычайны. Такъ, весь разговоръ на кладбищѣ съ могильщикомъ, съ Гораціо, даже съ Лаэртомъ обнаруживаютъ въ Гамлетѣ понятія честныя, благородныя, возвышенныя, какими онъ вполнѣ и всегда былъ проникнутъ. И до какой степени убитъ духъ Гамлета: онъ, принцъ, ищетъ успокоенія, развлеченія, отрады среди могилъ! А къ горю своего сердца, еще и тутъ встрѣчается съ людскою глупостью въ лицѣ бездушныхъ могильщиковъ. Такъ благородный человѣкъ, лишаясь поприща дѣятельности, къ которому стремился, предается уже только грустнымъ мыслямъ о суетности и превратности всего земнаго. Конечно философъ воспользуется всѣмъ, но Гамлетъ — поэтъ... И въ разбитомъ Гамлетѣ однакожъ какая натура! Съ той минуты, какъ, на могилахъ, онъ узнаетъ кого хоронятъ, почти безъ обряда

церковнаго, и вскрикиваетъ: *Офелія! О Боже!* — онъ весь пламенная натура поэта: какъ поэтически выражаетъ онъ горесть Лаэрта и не хочетъ уступить ему преимущества въ этой горести; онъ забываетъ свое собственное горе и всетаки напоминаетъ бросившемуся на него, въ неистовствѣ, Лаэрту, что онъ худо молится; совѣтуетъ ему уклониться отъ борьбы съ нимъ, какъ съ сильнѣйшимъ. Онъ такъ тронутъ утратою Офеліи, что даже матери своей открывается въ любви къ Офеліи: этого онъ не сдѣлалъ-бы прежде.

Заносчивость Гамлета съ Лаэртомъ, его желаніе оправдать свой поступокъ съ Розенкранцемъ и Гильденстерномъ, всѣ рѣзкія его выходки въ четвертомъ и пятомъ актахъ, хотя и сильно говорятъ зрителю противъ него, но не могутъ быть сочтены за природныя его свойства: это уже поступки и бредъ горячечнаго, это уже то, что наросты, паразиты, что плоды чуждаго растенія, привитые злыми обстоятельствами. Вѣдь, человѣкъ, убивающій безпощадно на войнѣ, не таковъ въ мирной семьѣ своей. Да и если оцѣнить Розенкранца и Гюльденстерна, ихъ согласіе погубить Гамлета, по волѣ злодѣя, то едвали Гамлетъ заслуживаетъ безпощаднаго упрека, едва-ли его поступокъ — низкій, кровожадный, вѣроломный; онъ — скорѣе — представляется поступкомъ спасающагося отъ разбойниковъ на большой дорогѣ.—Длинный разговоръ Гамлета съ Озрикомъ, полный игривости и остроумія, становится утомителенъ: но таковъ убитый духъ,—онъ или безмолвствуетъ уныло, или излишне говоритъ, особенно желчно, — это облегчаетъ его. Что Гамлету уже невыносимо тяжко, душевно и тѣлесно, онъ наконецъ и самъ, со вздохомъ и какимъ-то предчувствіемъ, сознается передъ Гораціо: *Ты не повѣришь, однакожъ, какъ мнѣ тяжело на сердцѣ!*— и прибавляетъ съ разочарованіемъ: *Но что нужды.* — Онъ вдается даже въ фатализмъ; онъ близокъ уже къ физической

болѣзни, въ такъ называемой бѣлой горячкѣ; но здѣсь—новыя убійства, устроенныя коварнымъ дядею-королемъ, оканчиваютъ его существованіе.

Можно-бы сказать — но вѣдь Лаэртъ поднялъ-же народъ противъ короля, за смерть отца своего, а Гамлетъ, какъ человѣкъ, безъ воли, не рѣшился на это.—Но характеры Лаэрта и Гамлета различны: первый хватается за все, что ему, въ крайности, кажется лучшимъ; такъ онъ опромѣтчиво согласился даже на убійство Гамлета, а второй домогается прежде всего правды, истины; Лаэртъ не родственникъ королю: а какой примѣръ подалъ-бы народу Гамлетъ, возставъ на короля-отчима и на мать; уликъ, ясныхъ для народа, нѣтъ. Гамлетъ—человѣкъ въ высшей степени нравственный. Разубѣдившись въ исправленіи матери, онъ, конечно, могъ-бы дѣйствовать равнодушнѣе, но къ чему повело-бы это? Вопросъ особенно важный при его характерѣ: поводомъ къ возстанію было-бы всетаки одно отщеніе, а сыновнее чувство къ матери, и въ минуту смерти, не покидаетъ Гамлета: *Королева, несчастная, прости*, говоритъ онъ въ предсмертной агоніи, и, съ заботою объ избраніи достойнаго Фортинбраса на престолъ Даніи, умираетъ. Этою заботою о Даніи, высказавшеюся въ послѣднее мгновеніе жизни, объясняется еще высокая черта Гамлета. Онъ ненавидѣлъ дядю-отчима не только какъ злодѣя, не только какъ недостойнаго короля, но и какъ узурпатора, лишившаго его престола, на которомъ онъ готовился достойно замѣнить достойнаго короля, для благоденствія отчизны. Это желаніе Гамлета было священно: онъ не высказалъ его нигдѣ рѣзко, и только избраніемъ Фортинбраса выразилъ, какъ высоко цѣнилъ это достояніе.

Считая излишнимъ характеризовать короля, дядю-отчима Гамлета, какъ олицетворившаго въ себѣ ясно идею необузданнаго злодѣя, мы нисколько не очертили характера матери

Гамлета, а между тѣмъ она является главною виновницею его бѣдствій, и именно потому, что она мать, отъ которой такой сынъ, какъ Гамлетъ, не ожидалъ преступленія. Какъ женщина, она, и по изображенію Шекспира, принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ женщинамъ, какія встрѣчаются всегда и вездѣ, т. е., къ тѣмъ, которыя живутъ только ограниченнымъ воображеніемъ и полною чувственностію; по наружности онѣ даже могутъ считаться добрыми. Страннымъ кажется, почему покойный король такъ любилъ ее. Но—эти странности бываютъ особенно въ характерахъ самоправныхъ, къ которымъ, по всему видимому, нельзя не отнести и характеръ покойнаго короля, при всѣхъ его достоинствахъ, которыя исчисляетъ Гамлетъ. Безусловная покорность жены, уклоненіе ея отъ всякаго участія въ его политической дѣятельности, вѣроятно, составляли для него всю прелесть въ ней. Эта безусловная покорность всегда непрочна, какъ здѣсь и случилось. Самоправность отца, конечно, была одною изъ главныхъ причинъ недостатка свободы дѣйствій преданнаго ему сына, Гамлета, а также виною и того, что большая часть придворныхъ оказались людьми слабыми, готовыми только на угожденія рабскія, совершенно безъ твердаго характера; поэтому-же и Лаэрту такъ легко удалось возмутить народъ. Все это не требуетъ усиленныхъ доказательствъ: подобное очень нерѣдко встрѣчается и въ обыкновенномъ бытѣ.

Мы старались внимательно прослѣдить личность Гамлета, представленнаго въ трагедіи; старались взглянуть на всѣ замѣтные шаги его и объяснить ихъ. Читающій нашу статью и слѣдя самъ за всѣми движеніями души и сердца Гамлета, конечно, замѣтитъ еще множество мельчайшихъ проявленій, которыя въ такомъ сложномъ цѣломъ очень важны. Эти проявленія уже легко доступны каждому, и мы считаемъ лишнимъ

упоминать о нихъ. Изъ всего разсмотрѣннаго и приведеннаго нами мы хотимъ сказать, что:

Гамлетъ является внѣ нормальнаго состоянія своего во всей трагедіи, и именно: до появленія тѣни — онъ мучается недоумѣніемъ, подозрѣніемъ; пораженный вѣстію тѣни — онъ, разочарованный, занятъ весь жаждою отмстить, но прежде всего — убѣдиться въ истинности словъ тѣни; торжествующій изобличеніемъ злодѣя — онъ потрясенъ какъ успѣхомъ своимъ, такъ и рѣшительнымъ презрѣніемъ къ людямъ; послѣ безплоднаго свиданія съ матерью — приходитъ къ окончательному отчаянію и — обезсиленный, погибаетъ въ рукахъ злодѣевъ.

Въ этомъ ненормальномъ состояніи сохраняется въ немъ всетаки нравственная, мыслящая, поэтическая натура, какая дана ему природою и развита воспитаніемъ: онъ выражается языкомъ пламеннымъ, картиннымъ, сочиняетъ стихи, устраиваетъ по своему плану сценическое представленіе. А такія натуры не могутъ быть положительными и, въ критическихъ случаяхъ, въ какомъ онъ, скорѣе погибаютъ, нежели торжествуютъ.

Изъ всѣхъ его словъ, поступковъ и дѣйствій каждый можетъ заключить, что Гамлетъ человѣкъ благородный, честный, религіозный, воспитанный въ правилахъ благоразумія, просвѣщенный наукою, происхожденія царскаго, вообще — человѣкъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, и достойно могъ-бы занять высокую ступень, на которую готовился, еслибъ не ужасный ударъ подкосилъ его.

Онъ сдѣлалъ все, что могъ, *по своей* благородной натурѣ: силился доискаться истины, хотѣлъ наказать, уничтожить зло, но не хотѣлъ употребить насилія, не хотѣлъ вреда невиннымъ или заблудшимся. Предоставленный въ тяжкомъ дѣлѣ только самому себѣ, не имѣя достойныхъ сообщниковъ, окруженный злыми или слѣпцами, онъ палъ тѣломъ, сохраняя всетаки свое душевное достоинство.

Злыя выходки его, обнаружившіяся въ заносчивости, въ гордости, въ сарказмахъ, въ презрѣніи, въ убійствахъ, заключаются не въ натурѣ его, а въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя столпились около него и осилили его.

Такимъ образомъ мы естественно приходимъ къ заключенію, что Гамлетъ, до несчастной смерти его отца, былъ прекраснымъ, образованнымъ человѣкомъ, и впослѣдствіи сталъ-бы достойнымъ королемъ, еслибъ не постигло его ужасное горе, сдѣлавшееся, при бѣдственной обстановкѣ, выше силъ его.

Не совсѣмъ лишнее слово.

Приступая къ разсмотрѣнію личности Гамлета, мы упомянули, что есть множество сужденій замѣчательныхъ писателей объ этомъ созданіи Шекспира. Для чего-же многіе старались разъяснить личность Гамлета? Ужели она такъ непостижима? Что для насъ Гамлетъ или — мы для него? Развѣ сценическая роль длятого, чтобъ ее разъяснять? Развѣ недовольно провести нѣсколько минутъ въ театрѣ, для отдыха отъ обыденныхъ трудовъ, заботъ? Къ чему еще заботы?... Намъ кажется, что къ разъясненію этой личности каждый побуждался, кромѣ особенныхъ цѣлей, преимущественно любовію изучаться, совершенствоваться на ней, съ тѣмъ чтобы, при встрѣчѣ съ подобными личностями, не поступать, какъ поступалъ Полоній и другіе. Личность Гамлета не китайская живопись, не водевильная каррикатура, не арабескъ; она взята изъ быта житейскаго, такъ — повторимъ сказанное уже нами — для житейскаго быта и изучать ее должно.

Цѣна 25 коп.

